

12+

Елена (Лён) Луговская

о чем думает море...

dystopian novel

Елена Луговская
О чем думает море...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Луговская Е. Г.

О чем думает море... / Е. Г. Луговская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Художественное произведение в жанре антиутопии. Автор размышляет о том, как информационные технологии меняют мир и к чему может привести феминизация общества. История героев повести уходит далеко в будущее: мир середины третьего тысячелетия удивителен и необычен, но изменилась ли природа человеческая? Что выберет человек будущего – знания или свободу, власть или любовь, решит ли он изменить мир или захочет покоя? Да и что такое человек в бесконечности сущего.

Содержание

Часть 1	5
Главы 1 нет	6
Глава 2	16
В саду Гефсиманском	18
Начало	20
Чудо	24
День седьмой	28
Проблема	30
Небесное воинство	34
Бытие	37
Исход	40
Апокалипсис	42
Глава 3	49
Кодекс Новой Жизни	50
Новый мир	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Часть 1

– Ты его собираешься есть или пить? – та, к кому была обращено это язвительное замечание, удивленно вскинула брови:

– Да что с тобой сегодня? Я всегда пью такой кофе... Каждое утро, – Грета говорила медленно, словно предлагая собеседнице себя перебить, – И у тебя никогда это не вызывало никаких отрицательных эмоций... кроме непосредственного отвращения к кофе...– уловка, однако, не удалась: Брита, обычно уравновешенная и благодушно улыбочивая, вспылив неожиданно даже для самой себя, молчала, насупившись и уставившись на чашку, в которую Грета вытряхивала из бумажного пакета черно-коричневое нечто.

– Что-то случилось?... снова пауза, и снова никакой реакции. – В любом случае, не стоит на меня шипеть, а то яд аж капает, пол прожжет, – Грета, в привычном для их общения тоне, пыталась поймать взгляд Бриты, но та упорно таранилась в чашку. Грета налила воды в чашку, на треть заполненную молотым кофе, и отвернулась от Бриты.

Главы 1 нет

Так кофе уже не пили, наверное, пару веков... Во всех жилых помещениях, кварталах и даже в транспорте были установлены автоматы для напитков. И все привычно пили любую бурду, которая проистекала из них. В больших планетарных центрах еще можно было найти элитные бары, где подавали кофе, свежеприготовленный по разным рецептам – это было настоящее таинство, по содержанию ритуала перепутанное, как писали историки, с чайной церемонией древнейшего и нового Китая. Но желающих платить невероятные деньги за сомнительно горькое удовольствие становилось все меньше и меньше. О том, чтобы найти в свободной продаже молотый кофе или кофе в зернах – вообще и говорить было нечего – для этого нужно было знать места.

Производство миллионов ароматизаторов с удивительными вкусами и яркими запахами было поставлено на поток, и никто не соблазнялся желанием тратить время на приготовление питья из естественного оригинального сырья, которого, к тому же, становилось все меньше и меньше. Растительные продукты выращивали теперь разве что только в исследовательских агроцентрах. Животных, или как говорили пару веков назад, домашний скот и птицу, держали только в зооконгломератах, а словом «Фермер» по названию мирового производителя теперь называли всякую питательную массу.

После того, как в жизнь вошли ароматизаторы, самым прибыльным делом оказалось производство питательной массы. Приготовлением, если это можно так назвать, пищи занимались автоматы, владельцы которых просто вводили задачу со сведениями о цвете, плотности, форме, структуре, вкусе и запахе продукта, и машина выдавала им искомое. Первые автоматы, появившиеся на закате 21 века, критиковали, как помнится, за скудость меню – разнообразие форм, плотности очень уступало возможностям изменения остальных критериев, еще соотносимых первыми пользователями с характеристиками естественной пищи.

Однако прошли века, очень быстро человечество наигралось новой игрушкой, и теперь автоматы даже не имели опций процентной корректировки плотности или градуировки температуры пищи. Управляющая панель автомата представляла собой экран, на котором пользователь выбирал иконки с простейшими геометрическими фигурами – для выбора формы пищи, три температурные иконки – холодный, теплый, горячий, выбор вкуса-запаха. Эти иконки теперь, когда все давно забыли естественный вкус каких бы то ни было продуктов, именовались – «мясо», «рыба», «птица», «овощи», «бакалея», «макарены», «комби», а иконки приготовления – вареное, жареное, сырое, печеное, паровое.

Это раньше была градация по вкусам мяса и разной птицы, рыба различалась по такому невероятному количеству оттенков, что составлением программы для простейших пищевых машин занимались целые города программеров, были учтены аспекты использования разного количества соли, специй, масел, смешать можно было определенные овощи, если вы еще помнили их названия, и это могло быть салатом, рагу или супом... Теперь и слова, называющие эти блюда, уходили в прошлое, и сами блюда никто никогда не пробовал. Автоматы, на которых разнообразие продуктов для приготовления сложных блюд было отображено на кнопках в виде рисунков, давно не производились, и мало кто мог теперь по внешнему виду такой кнопки определить само блюдо.

На первых порах после появления пищевых автоматов энтузиасты экспериментировали с закладыванием в программу машины разных запаха и вкуса, например, любители могли заказать клубничный запах у продукта в форме рыбы со вкусом мяса... Но и это всем быстро надоело. Для нынешнего едока слова «мясо» или «рыба» могли значить только тот вкус и запах, который был им предписан машиной, или не значить ничего вообще, потому что в новейших

машинах были опции для приготовления без вкуса, без запаха, и все больше людей находило свою прелесть в потреблении таких блюд.

Да... производителям машин было сложно удивить покупателя и заставить их купить новую машину взамен все еще работающей старой. Последним шиком считалось наличие опции – расположение пищи относительно тарелки... чем-то напоминало старинную программу Ворд, была такая... – окно документа можно было располагать относительно экрана в процентном соотношении слева, справа, во весь экран, на 10 % и так далее. Форму пищи на тарелке можно было задать координатами в 3D формате, но форма рыбы, птицы теперь никому не была интересна, в моде были, помимо простейших геометрических фигур, в основном, цветы и звезды.

Такое полное пренебрежение культурой питания не явилось чем-то особенным и из ряда вон выходящим в свете всех остальных изменений, случившихся на планете. Человечество, а с некоторых пор оно было представлено только его женскими представительницами, точно с таким же пренебрежением стало относиться и ко всему остальному. Красота была не в цене. Упор делался на удобство: удобно было не готовить еду – придумали автомат, удобно было не мыть посуду – посуда была только одноразовая (кажется, одноразовая посуда – это очень древнее изобретение, но как говорят историки, раньше одноразовая посуда конкурировала с посудой многоразового использования, теперь даже понятия многоразового использования чего бы то ни было не стало), удобно было не стирать, не гладить, не мыть и не чистить: одежда, обувь, всевозможные ковры, покрывала, постельное белье, сумки, даже матрасы – все теперь было сделано так, чтобы при первых же признаках негодности для эксплуатации быть утилизированными.

Когда в 2213 году выведенные на орбите космических станций мир специальные мусороперерабатывающие бактерии расправились со всем мусором, накопившимся за тысячелетия человеческой истории, некоторые псевдоученые начали кликушествовать, что, мол, оголодают бактерии, да и давай нас жрать! Этого, к счастью не произошло, ведь наука на то и наука, чтобы, изобретая решение проблемы, учитывать нюансы возможных последствий. Впрочем, как ни прискорбно это признавать, но сегодня о науке так сказать уже было нельзя.

Давно уже было нельзя. С тех самых пор, как в науке остались представители доминировавшего теперь человеческого вида – женщины.

Если на заре своего появления феминизм как идеология мыслился чем-то революционным, то развившаяся в рамках такой идеологии культура общественного поведения и мироустройства оказалась удивительно деструктивным феноменом. Вместо декларируемого на заре появления феминизма равенства между мужчинами и женщинами, человечество пришло к торжеству маскулинно-феминного гендерного типа, проявленного в биологическом женском виде.

Даже период нового средневековья, памятный расцветом трансгендерной идентичности, не смог противостоять феминизации мира. Сначала женщины проникли в чисто мужские сферы деятельности и доказали, что способны не хуже мужчин выполнять любую физическую и интеллектуальную работу, потом женщины проникли в управление, властные структуры и со свойственной только женщине уверенностью в собственной непогрешимости переиначили все устоявшиеся правила и обычаи, полностью изменили приоритеты мирового развития, принципы сотрудничества и общежития. Навязываемые человеческому сообществу идеи со временем сложились в целое религиозное учение, так называемый Кодекс Новой Жизни. Деструктивность политики общественного переустройства не была самоцелью, даже не так – деструктивность вообще не предполагалась, – все изменения были настолько несущественны, что даже их непредсказуемость, необусловленность текущей ситуацией, и зачастую откровенный идиотизм не принимались обществом всерьез. Просто в какой-то момент вдруг оказалось,

что все уже не так, что все настолько иначе, что исправить или вернуть назад уже ничего невозможно.

Структура нового феминного общества требовала феминности от всех независимо от пола и возраста, при этом само понимание феминности кардинально трансформировалось и по сути представляло собой культ маскулинно-феминного типа, в котором к мужскому началу условно отнести можно было только требования физической выносливости, высокого интеллектуального потенциала и непререкаемой харизматичности. Сразу после периода Нового средневековья был небольшой период, когда казалось, что произошла инверсия гендеров – женщины прочно обосновались на тех социальных позициях, которые несколькими веками ранее традиционно занимали мужчины, а мужчины соответственно заняли освободившиеся ниши в социальной иерархии, уже упоминавшийся трансгендерный всплеск ничего не изменил в этом раскладе, и даже, как считают, некоторые ученые, способствовал инверсии социальных полов. Мечта некоторых теоретиков того времени о рождении нового «андрогинного» социального пола в реальности воплотилась весьма однобоко – женщина приняла на себя все социальные функции и мужчине просто не осталось места в таком мире.

Женщины были везде – их интересовало абсолютно все, все было неправильно и требовало реструктуризации, перепланировки, изменения, исправления и улучшения – даже природа не устраивала женщину. Смешные лозунги нового времени о гармонии с природой были выброшены на помойку истории – актуальными стали революционные призывы обуздать природу, а если это невозможно – обойтись без нее... Как? Исключить природу из своего мира, спрятаться от ее проявлений и не зависеть от ее даров.

Надо сказать, что в эту идею на первых порах поверили все безоговорочно, потому как климат изменялся стремительно и непредсказуемо – миллионы людей гибли от природных катаклизмов: жара, наводнения, оледенения, неизвестные и давно забытые болезни, – все это во многом способствовало тому, чтобы человек начал обороняться, воспринимая проявления природы как нападение на него. Слабые голоса ученых, пытавшихся объяснить изменения климата разрушительной деятельностью человека, услышаны не были – слишком банальна была высказываемая ими мысль и слишком недоказуемы причинно-следственные связи.

Религиозное сообщество, вначале поддержавшее ученых, затем резко сменило курс. Идея гнева Божьего, так органично легшая в обоснование необходимости нового мироустройства, перестала удовлетворять критериям новой религии, в которой не было места непредсказуемости – и благодать и кара должны были быть управляемыми, своевременными и строго дозированными. А то, что происходило с природой не укладывалось ни в какую систему, не поддавалось никаким рациональным объяснениям: за несколько десятков лет, несмотря на нечеловеческие усилия ученых-селекционеров и генетиков, пшеница деградировала в несъедобный мусорный злак, в связи с чем изменение рациона питания повлекло за собой появление новых заболеваний, не говоря уже о том, что какая-то часть населения, все еще проживающего вне городов и обеспечивающая себя питанием самостоятельно, из-за употребления в пищу мутировавшего злака, чуть не вымерла. Те, кто остался жить, стали переносчиками вирусной паранойи – паранойеподобного состояния, сопровождающегося повышением температуры тела, давления и увеличением пульса, которое сохраняется до тех пор, пока человек не будет травмирован в той или иной степени. Инфицированные люди собирались группами и в состоянии параноидального бреда совершали массовые самоубийства – выжившие на какое-то время казались вполне здоровыми, но оставались носителями и разносчиками вируса – ряды несчастных пополнялись теми, кто помогал им выздоравливать. Найти медицинское решение этой проблемы так и не смогли, зараженные стали изгоями, они убегали от карантинных отрядов в дикую природу, и со временем на планете забыли о такой болезни.

Не успели вздохнуть с облегчением, как появилась новая напасть – избирательные вирусные патологии: сначала выявилась закономерность по летальным исходам среди больных опре-

деленным типом диабета, потом по всему миру прокатилась череда смертей однойцевых близнецов; сложнее всего было обнаружить закономерности летальных исходов заболеваний невыявленной этиологии, обусловленные наличием у человека того или иного доминантного или рецессивного признака.

Прорывом было открытие семьи вирусов, так называемого направленного действия – оказалось, что некоторые вирусы приспособились к избирательному внедрению в те части ДНК, которые ранее были «подкорректированы» их собратьями. Однако знать, как работает не значит знать как исправить...

То, что некоторые вирусные заболевания в недавние исторические времена стали специализироваться на том или ином виде человека, заметили не сразу. Поначалу считалось, что такие гендерные эпидемии вызваны привычками питания, навязываемыми медийной рекламой или обусловлены образом жизни, тем более что, как правило, эпидемии были всегда локально ограничены тем или иным городом, максимум областью. Когда же оказалось, что даже и такие локальные эпидемии сильнее ударяют по мужской части населения земли, и в экстренном порядке пришлось более тщательно исследовать причины летальных исходов, наоткрывали такую прорву новых вирусов и их модификаций, что в определенный момент оказалось, что известных вирусов, которые предположительно могут внедриться в организм, больше, чем вообще людей на земле.

В какой-то момент мужчины просто стали вымирать. Все новые и новые мутации вируса, названного вирусом Захария, выкашивали мужское население целых континентов. Предугадать штамм вируса, который вдруг окажется патогенным именно для мужчин в той или иной части света было невозможно, а успеть сделать вакцину было крайне сложно. Пока ее делали, а потом доставляли тем, кому она была предназначена, часто случалось, лечить уже было некого, либо вирус мутировал так, что вакцина в лучшем случае оказывалась бесполезной.

Сначала гендерные эпидемии практически начисто выкосили мужское население самых цивилизованных стран, при этом было замечено, что в развивающихся странах мужчины более стойки к штаммам вируса Захария – началось всемирное переселение мужчин – цивилизация принимала новую мужскую кровь. Новоприбывшие ассимилировались и уже третье, а в некоторых случаях и второе поколение вновь прибывших точно также было истреблено неуловимыми вирусами.

При этом вирус Захария в основном поражал особей от 14 лет и выше, так что перед человечеством явственно проступила перспектива семенного голода. Был создан Вселенский (они так его называли) Институт Семени, где сначала просто хранили собранное семя, проводя анализы на его чистоту от вирусов и прочих неприятностей, а потом, когда пришлось ездить не просто за здоровыми, а хотя бы просто живыми мужчинами в такие уголки земли, где сохранились островки полудицизованных образований, и самих мужчин стали содержать в этом Институте.

Площадь Института с тех пор увеличилась в несколько десятков раз и на момент, о котором мы ведем наше повествование, занимала уже целый современный полис. Но даже такие беспрецедентные меры не могли остановить последовательное вымирание мужской особи человека, поэтому и рождающихся детей мужского пола теперь также содержали в этом институте, чтобы с максимальной вероятностью обеспечить их выживаемость хотя бы до семенной зрелости. За младшими детьми ухаживали старшие и, таким образом, в скором времени корпус Института, где проживали мужчины, превратился в своего рода инкубатор, где основной обязанностью и умением достигших половой зрелости мужчин считалось воспитание детей. Это было так естественно, что в какой-то момент решили, что всех детей до пятилетнего возраста, независимо от пола будет очень удобно воспитывать в Инкубаторе (и его теперь так и называли).

Воспитатели мужчины все равно то и дело заболевали странными, непонятно откуда бравшимися в практически стерильной обстановке инкубатора вирусами и летальных исходов было не избежать. Поначалу, когда заболел кто-то из воспитателей, детей, особенно мальчиков, переводили в другие корпуса или даже блоки, но потом было замечено, что вирус, от которого умирает половозрелый индивид, не затрагивает младшее поколение. Таким образом, в процесс воспитания от инкубатора, в котором выращивались младенцы, и до того момента, когда женские особи направлялись для обучения в линии, а мужские особи переводились в отсек для воспитателей и там учили воспитательской нехитрой премудрости, не было никакого вмешательства извне. Линиями обучения теперь назывались условные ступени образования обитателей полисов, каждая линия занимала от полутора до пяти лет обучения по двум-трем, всегда разным, научным направлениям в зависимости от текущей потребности экономики в тех или иных работниках и индивидуальных способностей самих ячеек к освоению материала.

Отчасти это делалось для того, чтобы предупредить любую возможность нарушения микроклимата, отчасти воспитание детей было самым последним делом, которым хотела бы заниматься оставшаяся часть человечества, на чьи плечи теперь были возложены все обязанности построения государства, развития науки, урегулирования конфликтов, освоения космоса, решения кризиса перепроизводства... Надо сказать, что именно последнее и было то, с чем женский ум справился легко и навсегда.

Как?

А в чем была проблема? Много товаров? Ну, много – не мало. Товары некому покупать? Почему некому, а мы? Ах, не за что... Так в этом проблема!

Сформулируем еще раз. Соотношение потребности – возможности всегда было не в пользу второго, особенно у женской части человечества, а так как теперь только она и осталась, эта самая часть, то она же и решила: мне надо – я беру, надоело – выбрасываю и снова беру... Количество товаров уменьшается! Вы говорите, что не учтен аспект доходов? Нет, не учтен. Но это работает!

В 2135 году удивительный ученый-экономист в своей лаборатории, состоящей из 12 неглупых женщин и 15 современнейших на тот момент компьютеров, подсчитала, что если все население земли распределить по полисам (специальным городским конгломератам, включающим в себя блоки для учебы, научной деятельности, производства товаров и продуктовой массы, последняя уже была изобретена), каждому жителю полиса обеспечить свободный доступ к товарам и услугам в обмен на соблюдение им Основ (об этом чуть позже), то объем производимого будет соотносим с объемом потребляемого.

Такая простая формула стала возможной только с появлением Основ. Для новых полисов и планетарных центров Основы теперь были всем – руководством о том, как жить, где жить, с кем жить, сколько жить и даже зачем жить. Согласно Основам цивилизация абсолютно по-новому обустроила пространство вокруг себя – старинные названия городов еще использовались, но то, что теперь называлось Москвой или Парижем, Лондоном или Амстердамом более походило на огромные торговые центры, в которых теперь, впрочем, никто ничего не продавал и не покупал, здесь теперь жили, учились, потребляли и работали.

В начале 22 века в научной моде оказалась идея так называемой молекулярной цивилизации, основатели которой абсолютно бездоказательно, но, тем не менее, удивительно легко навязали всему миру идею о том, что раз сама природа уже придумала максимально устойчивую форму существования жиров, белков и аминокислот в виде молекулы ДНК, то нет ничего естественнее, чем использовать данную модель, метафорически переосмыслив ее форму и содержание. Результатом этой теории стали бесконечные, оплетающие планету цепочки цилиндрических соцветий полисов. Поначалу пытались строить, полностью соблюдая достоверность модели, круглые корпуса, но уже вошедшие к тому времени в привычку сезонные цунами и

тайфуны заставили апологетов этой теории несколько отойти от поспешно принятой за каноническую сферической формы корпусов существования.

Корпуса существования представляли из себя высокие цилиндрические строения, из соображений устойчивости на пару десятков метров вкопанные в землю, – сплошные стены, бетон и толстое пуленепробиваемое стекло. Окон, в этимологическом понимании этого слова, в Корпусах существования не было, просто стены из бетона чередовались со стенами из стекла. На заре возведения таких строений архитекторы и строители еще придерживались эстетических и этических норм сочетания блоков, но со временем все перестали обращать внимание на такие мелочи, как асимметрия или прозрачная стена жилого корпуса, через которую можно наблюдать жизнь его обитательниц.

Слово красота, за пару веков претерпев несколько семантических трансформаций, теперь обозначало что-то вроде добротности и верности намеченному курсу, остальные его значения, а означало оно и отменное здоровье, и силу, и даже какое-то недолгое время ум, ушли безвозвратно. Впрочем, и само слово-то было не в чести, главным критерием и мерилем всего и всех было слово – оснОвный, что означало полное соблюдение Нового Кодекса Жизни. Это было и наилучшей похвалой, и высшей степенью качества, но трепать это слово без надобности категорически запрещалось. Так вот, в соответствии с параметрами строительства Новой жизни, закрепленными в Новом Кодексе Жизни – читай Основах – корпуса существования представляли собой достаточно высокие – до 75 метров в высоту, и достаточно вместительные – до километра в сечении «бочки» из стекла и бетона. Перемещаться с этажа на этаж можно было с помощью системы лифтов, расположенных строго в центре такого цилиндра, или по лестницам, опоясывающим тремя огромными спиралями все жилые помещения по внешней стороне «бочки».

Боксы для жилья, как они назывались, только обладая большим воображением можно было назвать боксом, так как по форме эти помещения больше напоминали трапеции с выпуклой широкой стороной и вогнутой более узкой. В каждом таком боксе обычно жили от двух до пяти индивидов, связанными оснОвными узами – не было теперь ни родственных, ни любовных уз, были узы Основ, которые и определяли общежитие индивидов как ячейку (эта такая форма существования группы женщин... Что-то вроде семьи). Каждая ячейка формировалась с учетом результатов комплексного отбора индивидов еще в дородовой период – наследственно-генетического, психолого-математического и социально-профессионального.

Каждый зачатый индивид подвергался унифицированной операции генетической корректировки, число изменений в которой постепенно дошло до 27 и не отражало уже реальной необходимости генетической корректировки, так как многие генетические поправки со временем стали передаваться по наследству, а некоторые ровным счетом ни на что не влияли, ну, или хотя бы в первом поколении. Кроме того, иногда автомат генетической корректировки волевым решением своего искусственного интеллекта проводил не все 27 генетических коррекции, да и природа не стояла в стороне – во время вынашивания плода генетические изменения частенько нивелировались. Несмотря на это практика генетической корректировки, записанная в Основах, не пересматривалась и ни в коем случае не подвергалась критике.

Здесь нужно пояснить, что вынашивание плода по-прежнему было обязанностью женщины, то есть в современном мире, эту миссию, выполнение которой курировал центр социально-профессионального контроля рождаемости, должен был выполнить каждый индивид. Однако время для миссии рассчитывалось центром психолого-математических расчетов, а сам процесс оплодотворения и вынашивания контролировал центр наследственного генетического планирования.

Почетную и трудную обязанность вынашивания и рождения новых индивидов оставили женщинам по двум причинам – официальной и истинной. Официальная причина гласила, что каждый индивид не может считаться оснОвным, если не прошел в труде и боли Миссию.

Истинная причина же заключалась в том, что на заре новейшего вынужденного матриархата, когда новое человечество с нескрываемой радостью и чрезвычайным облегчением перешло к выращиванию своих новых поколений в пробирках и инкубаторах, человеческий вид постепенно стал вырождаться, слабеть; смертность младенцев, несмотря на величайшие достижения медицины за все время существования этой ветки человечества, выросла до критических показателей – человечество оказалось под угрозой вымирания. Проанализировав создавшуюся ситуацию, ученые умы пришли к простому, но неприятному выводу – редактировать природу можно только с определенными оговорками. На описываемом момент выросло уже пятое поколение родившихся естественным способом индивидов, только оплодотворение по-прежнему было медицинской процедурой, но это было связано с тем, что, во-первых, Основы не позволяли рожать кого попало – любой родившийся был генетически скорректированным еще на уровне яйцеклетки, а во-вторых, другого способа выполнить миссию продления рода уже поколений семь ныне живущих себе просто не представляли.

Мужчины были объявлены Основами побочной веткой человекообразных, а то, что их все еще выращивали и содержали в Институтах продления рода объяснялось только тем, что современная наука безуспешно билась над решением проблемы продления рода человеческого, потому что любой другой способ – как то клонирование, инкубация, стволотворение – оказывался много хуже уже придуманного и внедренного природой: искусственные человеки оказывались искусственными во всем.

Новоявленные гомункулы были болезненными, огромный процент смертности еще в детском возрасте сводил на нет титанические усилия обслуживающего персонала. Небольшой процент выживших получал самый лучший уход и обучение, но в период полового созревания или чуть позже, иногда в самый непредсказуемый момент у этих элитных особей вдруг начинались необъяснимые изменения в психике, физиология давала такой сбой, что даже привыкших ко всему медиков опускались руки.

Теперь процесс продления рода был записан трудной, но почетной миссией в Основах и предписан каждому индивиду. Однако равноправие распространялось только на уровень самой обязанности, количество произведенных индивидов варьировалось в зависимости от индекса производителя и уровня его социализации.

В новом обществе было принято пять основных индексов, которые предопределяли направление социализации того или иного индивида – Genius, Individual, Humanitarian, Mathematic, Various, - которые указывались в наименовании индивида сразу после года выпуска ячейки и непосредственно перед индивидуальным названием.

Слово «имя» не совсем подходит к этим составным наименованиям индивидов и, тем не менее, имя не просто влияло на судьбу, оно и было самой судьбой. Индексы G или I обещали сложный, но достойный путь к вершинам современного общества, в его руководящую и интеллектуальную элиту, индексы H и M обеспечивали размеренное, регламентированное Основами, существование, и только индекс V, который давали при рождении условно неудавшимся индивидам, которые, скорее всего, не проявят себя ни на поприще наук, ни как общественные лидеры, именно этот индекс обеспечивал его обладателю перспективу безостановочного выполнения миссии продления рода.

Сама миссия отнюдь не означала только вынашивание и рождение, индивиды индекса V постоянно сдавали материал для миссии, постепенно утрачивали интерес к социально-обусловленному существованию и, начиная, таким образом, представлять угрозу здоровью общества Основ, они покидали свои ячейки и продолжали существование в специальных блоках Института продления рода, низведенные до уровня мужской особи – без прав, без свобод, без будущего.

Надо отдать должное гибкости индексной системы – если вопреки прогнозам генетиков социально-профессиональный анализ индивида содержал показатели, достойные другого,

более высокого или, наоборот, более низкого положения в общественном существовании, индивиду было не избежать изменений в судьбе, вот только индекс в имени оставался неизменным.

Во многом именно из-за таких корректировок индивидуального существования, а также из-за небольшой вариативности индексации, ну и строго охраняемой секретности индексирования подавляющее большинство индивидов не понимало судьбоносности индекса в своем наименовании, да и не задумывалось, честно говоря, об этом. Таким образом, в разных отраслях производства или науки на фоне большинства с тем или иным индексом всегда можно было встретить индивидов с другими буквами в наименовании, которые воспринимались как редко встречающиеся и не более.

Год, стоящий в наименовании перед индексом, не обозначал года появления индивида на свет, он указывал на год формирования ячейки, и возраст индивидов в ячейке мог варьироваться в пределах 5 лет. Собственные имена, составляющие последнюю часть наименования, подбирались случайным выбором для основного участника ячейки, вокруг которой она формировалась (обычно таковыми были индивиды индексов G или I) и по фонетическому созвучию для остальных участников ячейки. Количество индивидов в ячейке зависело от многих факторов – и от общего, существующего на момент формирования ячейки, количества индивидов, и от психолого-математических данных совместимости, и от социально-профессионального запроса на перспективу 7-20 лет, но, в целом, все было подчинено принципу максимальной комфортности индивидов уже указанных индексов (G, I).

Несмотря на то, что ячейку составляли индивиды, ничего индивидуального у них изначально не было, индивидуальные проявления поощрялись только на уровне материальном, хорошо отслеживаемом уровне предпочтений в еде, в оде и... в оде. Иногда, в очень редких случаях, индивидуальность находила выход в странной привязанности некоторых индивидов к мелким предметам не всегда ясного назначения и этимологии. Это могли быть как предметы природы – небольшие щепочки, камушки, засушенные листочки, собранные во время плановых контрольно-воспитательных мероприятий на живой природе, так и предметы искусственного происхождения, давно утратившие свое утилитарное значение – их тоже чаще всего находили во время испытательных поездок – выцветшие, потертые и сточенные дождями и ветром осколки уже давно не выпускаемых материалов – цветной хрупкой пластмассы, фаянса, фарфора, бутылочного стекла, керамики... К таким чудачествам относились более внимательно и строго следили за тем, чтобы количество талисманов ограничивалось одной единицей, и чтобы эта самая единица ни при каких условиях не передавалась, как говорится «по наследству».

С древнейших времен безуспешно внушаемая человечеству мысль о том, что отдельно взятому человеку не нужно никакой собственности, в самом естественном виде наконец-то была воплощена в новой системе мироустройства Нового матриархата. У обитателей новых полисов и планетарных центров, оплетающих поверхность земли причудливо изгибающимся рисунком разноцветных цилиндров, тесными группами вырастающими на все новых и новых пространствах, не было ничего своего, и одновременно было всё, что нужно для существования, в любом количестве, в любое время и абсолютно бесплатно. Хотя было бы не совсем верно применять понятие платы для описания отношений в обществе, где все подчинялось главному, удивительно простому и естественному, закреплённому в Основах как жизнеутверждающему и жизнеустанавливающему принципу Необходимости.

Необходимость была мерилom всего – начиная от насущных потребностей существования и оканчивая нуждами жизнеобеспечения новой цивилизации. Те пространства, которые не были заняты новыми полисами и более крупными образованиями – планетарными центрами, тщательно расчищали, освобождая от устаревшей архитектуры, на чем благоустройство межполисного пространства и ограничивалось. Впрочем, природа была только благодарна новым властителям мира за такое наплевательское отношение – мир словно разделился на две части –

благоустроенные нанополимерные полисы, в которых живая природа была представлена только генетически измененными растениями и животными, и естественная, действительно живая природа, буйствующая в своем диком великолепии, со своими собственными законами чередования пожаров и наводнений, дождей и засухи, с жестокими нравами диких и одичавших животных.

Эти два мира существовали, даже не сказать чтоб гармонично, а просто параллельно – один мир словно бы не имел значения для другого. Конечно, случались эксцессы, когда в полисы попадали животные из внешней зоны – чаще всего это были потомки так называемых домашних животных – неясные обрывки тысячелетних инстинктов, сложившихся у их предков за время проживания рядом с человеком, время от времени загоняли их снова к людям. Или особо разросшиеся растения прорывались сквозь защитную раму внутренней зоны, которая в основном призвана была охранять жителей цилиндров от всякой мелкой пакости типа насекомых, грызунов и немодифицированных птиц. Кроме того, полисы абсолютно не были застрахованы от капризов погоды – снег, дождь, ураган – все это, как и миллионы лет назад, неизменно совершалось как таинственный ритуал, который состоится в любом случае – будет это нравиться человеку или нет, будет человек на планете или нет.

Ответным видом нарушения границ чужого ареала обитания были достаточно регулярные высадки десанта ячеек разных линий обучения – эти плановые мероприятия имели экзаменационно-воспитательный характер и всегда заканчивались более или менее благополучно для тестируемых – укусы насекомых, змей, отравления травами и ягодами не в счет.

На период такой экстремальной проверки знаний и навыков индивидов высаживали на любом участке внешней зоны, разрешая иметь при себе только одну Необходимую вещь – одежду, еду, воду или оружие защиты. Чаще всего ячейки распределяли мелкие необходимости таким образом, чтобы оставить себе одежду, еду и воду, что потом делили поровну уже на месте. Этот обряд посвящения в Основы (закрепление основного постулата учения – Необходимости) выявлял такие глубинные проблемы в характерах индивидов и психологическом здоровье ячеек, которые разглядеть даже с помощью каждодневного, очень тщательного мониторинга, было нельзя.

Лучше всех преуспевали ячейки-пятерки, сложнее приходилось редким двойкам, основное правило состояло в том, что нет никаких правил, кроме Основ, при этом индивидам было достаточно сложно понять, каким образом можно применить Основы в условиях дикой природы, рассредоточенности ячеек в пространстве и полной социальной неорганизованности условий временного существования. Так как осуществить полное наблюдение за индивидами во внешней зоне было абсолютно невозможно (в отличие от внутренней зоны, где существование ячеек и каждого индивида буквально на виду у всех ни у кого не вызывала каких бы то ни было эмоций), во внешней зоне были предусмотрены так называемые модусы Необходимости, через которые при необходимости же осуществлялась связь между тестируемыми и их кураторами.

Модусы Необходимости практически ничем не отличались от индивидуальных инфомодусов, которые были положены каждому индивиду в боксе и в линии: в них транслировалась информация, которая была положена для усвоения данному индивиду в тот или иной момент его обучения или отдыха. В старое время, говорят, были подобия таких модусов – они назывались компьютерами – в них нужно было необходимую тебе информацию искать самостоятельно среди множества ненужного и даже вредного сетевого шума.

Инфомодусы последнего поколения представляли собой большой мультитрансэкран, управление которым могло осуществляться как с клавиатуры, реагирующей только на прикосновения определенного индивида, так и голосом этого же индивида. В жилых боксах использовались твердые вогнутые экраны, – так словно ограничивалось личное пространство учебного места каждого индивида, в местах общего пользования, как правило, использовались виртуальные

экраны, чаще всего спроецированные на стену, а в рабочих, и отчасти учебных, помещениях использовались голографические экраны-инфомодусы, следовавшие за своим пользователем в любую точку рабочей зоны.

Информация, поступающая в каждый инфомодус, была максимально индивидуальна в том смысле, что новое знание давалось только в том объеме и в том виде, в каком оно могло быть адекватно воспринято обучающимся. Откуда бралась эта информация и куда она потом девалась – этим вопросом никто, по крайней мере, вслух, не задавался – получая каждый день новую или старую в разных вариантах представления информацию, как новую книгу, обычный индивид воспринимал это как данность, а точнее Необходимость. Используя главный принцип учения, называемого Основы, можно было если не объяснить, то оправдать всё.

Глава 2

Основы как чудо религиозно-философской мысли возникли еще до того, как в мире началась гендерная эпидемия. Началось все банальней не придумаешь – человечество сотворило себе кумира. Надо сказать, что сам кумир, являя собой более чем привычное явление ученого мира Америки тех лет, с ничем не примечательной фамилией Джонсон, абсолютно не претендовал на столь почетное звание. Более того, его научная работа, объявленная теперь краеугольным камнем новой жизни, ничего общего с теми постулатами и законами, которые были известны теперь как Основы, не имела, да и не могла иметь хотя бы просто в силу того, что Джонсон был мужчиной, а новейшие Основы были написаны женщиной, с ее женской логикой и специфически гендерной непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Какое-то время после трагической, но мученической кончины Джонсона, память о том, что первый пророк был мужчиной, еще теплилась в умах людей, но... прошло несколько десятков лет, и был следующий пророк, еще лет через пятьдесят появился второй, потом третий... Все они носили имя Джонсон и при этом были женщинами, потому что с мужчинами к тому времени на планете Земля была явная напряженка.

Основным и Основным принципом учения была провозглашена Необходимость, которая регулировала все отношения внутри цепочек полисов и между всеми их обитателями. При этом необходимость ни в коем случае не навязывалась извне – необходимость не могла быть обязанностью, необходимость есть, пить, учиться рассматривались как естественные потребности индивида. С другой стороны, необходимость дать, например, новой экономике больше специалистов той или иной отрасли тоже рассматривалась как осознаваемая необходимость всех и каждого – у обывателя и среднего индивида создавалось впечатление, что все необходимости возникают сами по себе, возникая в сознании каждого как его собственная надобность.

Такое понимание социального устройства, история становления которого прошла от собственного «я хочу» через обтекаемое «мне нужно» к четкому, но абсолютно абстрактному «есть необходимость», позволяло немногочисленной группе никому неизвестных лиц осуществлять скрытое регулирование социально-экономических и научно-информационных процессов в новой цепочечной цивилизации.

Задумывавшихся о более глубоком смысле принципа Необходимости, как правило, перевоспитывали, неперевоспитавшихся – ломали, несломанных – обращали, необращенных – ликвидировали. Именно из вновь обращенных формировался слой так называемых Наблюдателей. Они руководили подразделениями службы наблюдения и безопасности, они следили за работой Совета кураторов, они имели право вето в высшем органе власти нового общества – Совете Матерей. Обращенных на каждое поколение ячеек было не более одного-двух индивидов, лишившихся в процессе ломки своих ячеек, обозленных и жестоких, жаждущих власти и контроля, лишенных сочувствия и сострадания по отношению к тем, кого они вели к обращению, как когда-то вели их, – такое количество наблюдателей вполне удовлетворяло потребностям этой цивилизации, и она процветала вот уже пять столетий.

Достижения этой цивилизации в науке, технике, медицине были столь же выдающимися, сколько и неупорядоченными. Необходимость расставляла приоритеты и определяла области исследований.

Определив главные, Основные, области приложений необходимостей, такие как математика, физика, информатика, существа, в давние времена олицетворявшие все поэтически нежное, страстное, красивое, хрупкое, жертвенное, полностью вынесли за рамки изучения философию, поэзию, музыку, танец, архитектуру, объявив эти отрасли знания недостойными изучения и приложения усилий. Суррогаты этих дисциплин теперь были уделом искусствен-

ного интеллекта – разнообразные модусные аппараты могли в считанные секунды составить любую – верную или курьезную логическую цепочку или разрешить любой спор, запросив необходимые данные темы дискуссии, зарифмовать стих на любую тему, предложить мелодию сразу с любой аранжировкой, исходя из параметров запроса; танец вообще был объявлен почти ересью и презирался как действие более свойственное животным, нежели высшей человеческой расе. Зато пение поощрялось, поощрялось по медицинским показателям, считалось, что пение помогает индивиду сосредоточиться и отринуть ненужные мысли, упорядочить полученные знания, наладить систему дыхания... Пели, соответственно, все, но так как правильно петь уже давно не умел никто, да и вряд ли вообще хоть кому-нибудь могло прийти в голову, что пению надо учиться – ведь поют же птицы! – то случилось так, что современное пение больше походило на истошный вопль, целью которого было как можно громче и дольше тянуть звук.

Математика и физика почитались основами мира, информатика, - а теперь эта область знаний носила название форматика или еще короче – форма, имела мало общего с зачатками науки, в давние времена носившей такое же название, – форматика была вторым языком после естественного, на котором учились мыслить все индивиды. Первый же, естественный язык, данный природой, был сведен к информационному коду, который пытались расшифровать так же, как в свое время раскрыли генетический, в его общем виде. Хотя с каждым годом, а иногда даже месяцем, современная наука продвигалась все глубже и глубже в генные структуры, по мере такого погружения она часто приходила не только к корректировке базовых постулатов этой науки, но и нередко к полному их отрицанию.

Но так как в Основах уже успели записать, что генетический код полностью раскрыт и совершенствование индивида теперь дело не только самого индивида, сколько всей цепочечной цивилизации, то получаемые знания и результаты экспериментов (а в новом мире к экспериментам относились легко и допускали эксперименты над людьми) переосмыслились как глубокое постижение тайны существования живого существа, всячески поощрялись и предписывались самими Основами.

То, что еще несколько веков назад показалось бы чудовищным и преступным не только по отношению к конкретным человеческим существам, но к человечеству в целом, сейчас воспринималось как нечто естественное, единственно целесообразное, ну... и вообще, а как иначе?! Если генная инженерия не давала ожидаемого результата, или природа вносила свои поправки в дело рук человеческих, и на свет появлялись неполноценные особи, новая цивилизация легко отправляла этот животный материал на исследования, эксперименты... и другие нужды.

Когда сама земля подает пример разборчивости в восстановлении физических и психических функций независимо от пола и возраста, накопленных грехов и совершенных благодеяний, новое человечество пересматривает свои взгляды на терпимость, толерантность, человеколюбие, милосердие и жертвенность.

А начиналось всё с надежды на всеобщее счастье и рай на земле...

В саду Гефсиманском

С тех пор как эта земля явила человечеству чудеса исцеления и воскрешения мертвых, территорию неподалеку от Золотых ворот Гефсиманского сада, где, собственно, все и началось, быстренько огородили по решению ООН как священное место, «нарушение границ которого влечет за собой разрушение баланса и гармонии мира». В первое время, понятное дело, это вызвало бурный протест всех и каждого, все хотели исцелиться или воскресить своих родных. Тогда создали сеть комиссий, рассматривающих прошения и устанавливающие очередь в получении чуда. Это мало чем помогло, в мире назревал бунт. Все транспортные средства, да и вообще, все, что могло передвигаться, устремилось к Гефсиманскому саду. Сдерживать волну страждущих и просто любопытствующих уже было невозможно... и тут сама природа как всегда расставила все по своим местам.

Это случилось на глазах у миллиардов сетезрителей, которые наблюдали через свои информационные модусы экстрапопулярнейшую развлекательную программу «в саду Гефсиманском», благодаря которой, в общем-то, и оказалось возможным то состояние мира, в котором мы находим его сейчас. Именно в этой программе впервые были представлены вниманию любопытствующей публики чудеса воскрешения и исцеления, которые в конечном итоге так обесценили человеческую жизнь, лишив ее чуда непознаваемости рождения и смерти, искоренив из умов людей тысячелетиями волновавшее лучшие умы человечества стремление к совершенствованию в познании себя и того вечного, незыблемого и непознаваемого, что хранило человека и указывало ему путь во грехе его.

Но вернемся к истокам.

Все было поначалу хорошо.

Какой-то, хотя почему какой-то, весьма уважаемый в определенных кинематографических кругах и широко когда-то известный скучающей публике режиссер-шоумен, путешествуя по миру в поисках идей для нового гениального сюжета своего будущего культового фильма, в числе прочих всемирно признанных курортно-музейных мест посетил Гефсиманский сад на Священной земле.

Как человек необычный и оригинальный в каждой своей черточке, оплатив для себя личного экскурсовода по священным местам, он оставил на него свою малочисленную охрану и сопровождающих, и принялся бродить между одиноко стоящими деревьями, с задумчивым видом созерцая изгибы веток и внимательно всматриваясь в рисунок коры деревьев. Со стороны, как он думал, такое поведение должно было бы выглядеть в высшей степени оригинально и загадочно.

Так бродил он, в тайне надеясь, что за ним наблюдают не только зоркие глаза его охраны, но и тайные почитатели его таланта. В какой-то момент, он в экстатическом самолюбовании вдруг представил себе, как один из его поклонников вдруг случайно, совершенно случайно, наткнется в сети на онлайн-поток со спутника, узнает в маленьком, в задумчивости одиноко стоящем на священной земле, человечке своего кумира, то есть - его! Режиссер представлял себе, как этот самый поклонник, пребывая в состоянии неопишемого восторга и благоговения, замирает перед экраном, но потом, словно опомнившись – как же он один только может быть обладателем такого чуда! (здесь нужно крупный план и ...растерянность...да, лучше всего растерянность, можно немного влажные глаза...) – сообщает вначале своим собратям по фанклубу режиссера (здесь были бы неплохи несколько кадров о том, как разновозрастная аудитория с самозабвением, затаив дыхание смотрит его, режиссера и кумира, последнюю ленту...да... сначала камера на лица, крупный план...хорошо, потом пару узнаваемых кадров из моей гениальной ленты...какие...ммм... ну...подберем...не страшно...А, потом чей-то восторженный вскрик, о, это будет эффектно! И снова на аудиторию, панорамная съемка аудитории,

сидящих и стоящих, теснящихся у дверей, все, только ради того, что бы иметь возможность еще раз увидеть его гениальное произведение..эээ...в кругу...единомышленников, да...). Да. Сообщение тут же тиражируется по всей сети (наверное лучше показать не сеть, они мне так и не заплатили по последней ленте, где их дерьмовые ссылки висели на моем экране целых 48 секунд! Нет, сеть показывать не будем...разве много я запросил? Они сказали, что ленту никто не смотрит...идиоты...).

Неприятное воспоминание чуть-чуть не вернуло мечтателя на бренную землю, но слишком приятен был придуманный эпизод его придуманной жизни! (да, покажем счастливые лица, получивших сообщение поклонников... пятерых... н-н-н-нет... мало... но если больше... динамики не будет...н-ну...семерых, да... семерых), сообщение тиражируется и вот уже миллионы, нет, десятки, сотни миллионов счастливых глаз смотрят на его изображение, передаваемое по спутнику и почти молятся о том, чтобы поймать любое движение, даже поворот головы... и вот он поднимает глаза вверх, к небу (это будет эффектно! Надо будет снова сказать Джинни, чтобы написала приятную музыку для этого момента, в прошлый раз у нее довольно неплохо получилось...а на вид такая...идиотка...) – ллля-ля-ля-лллялля – запиликало у него в голове ...Так, а! он поднимает голову, чувствует изливаемые на него потоки любви и восхищенного благоговения тех, кто сейчас смотрит на него, и помахивает им рукой... Слезы умиления и радости потекли по глупо улыбающейся физиономии мастера, и в самый последний момент он поймал себя на том, что в этой, другой, реальности он стоит задрав голову посреди редко посаженных деревьев и действительно собирается помахать небу рукой.

Из забытья его выдернуло небольшое происшествие, которое имело большие последствия не только для самого режиссера, так редко в последнее время спускавшегося с облаков на бренную землю, но и для всего человечества.

Начало

Режиссер вообще человек был не злой и, не сказать, чтоб очень глупый. Для своего окружения он был весьма неплох в том смысле, что знал цену и себе, и другим, и абсолютно адекватно оценивая беспросветную тупость большинства своих собратьев по цеху, понимал, что и он недалеко ушел от них в познании мира.

В свое время он окончил неплохой колледж по... неважно какой специальности – прошли годы, и он благополучно об этом забыл – и теперь оценивал происходящее в мире не только с точки зрения того, что на сей счет говорится в средствах массовой информации, но и частенько имел свое собственное мнение. Впрочем, мнение это никого не интересовало, и единственными слушателями его глубокомысленных, и иногда весьма ироничных откровений на этот счет были его охранники, которых он нанял после ошеломительного успеха его дебютной картины, потом оставил для поддержания имиджа, а когда уже никого не интересовали ни он, ни его картины, ни даже его имидж, просто оставил этих простых ребят, как он их называл, для компании.

Компания, надо сказать, подобралась неплохая. То есть, с точки зрения профессиональных качеств, охранники с них были некудышние. Неопытный молодой режиссер, каким он тогда был, получивший гонорар астрономической суммой, но еще не привыкший не экономить на всем, нанял тогда самую дешевую, но импозантную тройку, продававшую себя на рынке охранных услуг ни много ни мало как «тройка лучших». Жизнь сложилась так, что применить свои профессиональные умения, если бы таковые даже предполагались у тройки, им так и не пришлось, но никто, как вы понимаете, по этому поводу особо и не переживал.

Со временем охранники переселились в просторное жилище своего хозяина, а так как никто из них не был обременен ни семьей, ни какими-либо другими обязательствами, то большую часть времени вся эта компания проводила вместе. Было бы неверным утверждать, что они сдружились, скорее это были люди, привыкшие терпеть друг друга изо дня в день. И они терпели. Искания, метания и заламывания рук режиссера, время от времени демонстрируемые им в периоды острого осознания бесполезности своего существования, вносили некоторую живость в однообразие их повседневности, но, в основном, жили они скучно и лениво.

В обязанности охранников по-прежнему входило сопровождение режиссера, проспективная проверка маршрута его следования и помещений, в которые он будет заходить; а теперь еще и помощь по хозяйству, как то стирка, уборка, готовка – горничных режиссер не держал во избежание так модных в то время скандалов о сексуальных домогательствах... ну и выслушивание горестных излияний неудачника, в которые пускался режиссер в минуты меланхолии. А так как состояние меланхолии в последнее время было естественным и привычным для режиссера, то самой важной обязанностью охраны теперь было именно невозмутимое и вдумчивое выслушивание шефа.

Вдумчивость и невозмутимость лучше всего удавалась самому крупному из охранников – Джеку, он-то и подбил, по большому счету, двоих своих соседей по комнате в общежитии, Фрица и Бабу, на то, чтобы поместить объявление об услугах охранников на сайте охранных услуг. В счастливый час согласились это сделать они, и с тех пор с глубоким удовлетворением позволили себе забыть и колледж, и оставших от жизни родителей, считавших, что главное в жизни – учеба и ратный труд.

Джек обладал необыкновенным умением – он мог спать при любом положении тела и при этом никогда не храпел, а так как охраннику положены черные очки, за которыми никогда не видно глаз, то спать Джек мог практически целыми сутками, что, в общем-то, и делал.

Когда режиссеру в очередной раз приходило на ум пофилософствовать о жизни, Джек надевал очки, пиджак, принимал устойчивую позу с широко расставленными ногами и замком

сложенными за спиной руками, и позволял шефу выговориться. Шеф мог говорить часами, сам спрашивая и сам же отвечая, никогда не требуя ответа. Начинались такие приступы, как правило, с того, что режиссер со скорбной физиономией непринятого гения начинал собирать вещи, все валилось у него из рук, но он мужественно повторял попытки и на участливые распросы своих охранников отвечал, что уйдет в отшельники...

Охрана от скуки однажды решила не останавливать его, как они обычно это делали, переводя сборы в монотонное, полное вздохов и чуть ли не зубовного скрежета разглагольствование в адрес мужественно переносившего невзгоды тяжелого сна на посту Джека. И надо отдать должное режиссеру, он чуть действительно не ушел, в чем был, бросив глупое занятие перебирания вещей, в коем был так беспомощен и неумел, что не только не знал, какие вещи могут ему пригодиться в пути, но даже имел очень слабое представление о том, где они, собственно говоря, лежат. Он даже хотел оставить распоряжение о том, что охране, как и прежде, будет выплачиваться жалование, но в последний момент охрана все-таки удержала его. Нет, не потому, что они пожалели его, - такая опция поведения в их существование не входила, они просто решили, что без этого малохольного совсем помрут от скуки. А так как режиссер был личностью неуспокоенной и самотерзающейся, то заскучать совсем им никогда не удавалось.

Вот и теперь, шефу было откровение, что путешествие в Святую землю вернет ему утраченный (варианты: украденный завистниками, невостребованный современной пошлостью) дар. На подготовку этого путешествия режиссер потратил немало сил, времени и денег – на какое время пред взорами своих охранников предстал прежний, деятельный, неуспокоенный, суеющийся и улыбающийся шеф, тот самый, который легко, заливаясь от хохота, одной фразой «нанять для охраны Фрица и Бабу – это бесподобно» изменил судьбу этих трех непримечательных людей.

Гениальный режиссер решил напомнить о себе напрочь забывшему о нем обществу, и устроил себе настоящую пиар компанию: он покупал статьи о себе и о своих никому не известных лентах, платил журналистам за то, чтобы они брали у него интервью, напросился (тоже за немалые деньги) на пару развлекательных программ, и везде заявлял о том, что его поездка, неизбежная и неотвратимая как рука судьбы, призвана помочь ему явить миру новый шедевр.

В конце концов, Джон Блю (при рождении Слава Щербаков) добился того, что его не только вспомнили, но и распиарили так, что снова стало возможным зарабатывать на использовании его имени как бренда. Огромный ком возвратившейся популярности рос и рос, рискуя подмять под себя самого Джона, потому что ненасытная утроба популярности требовала все новых и новых заявлений и сенсаций, а Джон уже отработал все известные в пиаре возможности. Он даже взял с собой в поездку маленькую дочку своей забытой кухни Джинни, которая в дни их общей молодости подавала надежды как неплохой составитель музыки и аранжировщик, но после первого успеха ее музыки, написанной к шедевр Джона, пустилась во все тяжкие, и теперь не занималась ничем и никем – ни собой, ни дочкой, ни музыкой.

Тема внебрачного ребенка, бедной сиротки, невинной жертвы развращенного славой и деньгами прожигателя жизни, новой звезды заявленной ленты и, наконец, музы гениального мастера (Джону ничего не пришлось ни выдумывать, ни объяснять – журналисты все сделали сами) достаточно долго бередила умы обывателей и удерживала интерес к путешествующему.

Малышка была премиленьким, шустрым, несмотря на физический недостаток – ее левая нога была короче другой и несколько вывернута внутрь стопой, - и очень любознательным ребенком. Она создавала немало проблем путешествующей группе, но зато уж что-что, а скучать с ней не приходилось. Ее курносый любопытствующий носик находил возможность просунуться в любую щель, а неостановимый поток «почему?» настолько утомил и ее гениального дядю, и всю охрану, что Джон мечтательно задумывался о том, чтобы отправить ее к ее матери, но пока не мог придумать какого-нибудь красивого объяснения такому своему поступку.

Ребенок, вначале всячески опекаемый и нежно выслушиваемый (особенно под прицелом объективов и даже просто под блуждающими взглядами празднующей публики), теперь был полностью предоставлен самому себе. Джон даже как-то раз примечтал целую историю о похищении горячо любимой крохи, но, как и всем остальным мечтам, возникающим в беспокойной, но крайне несосредоточенной голове Джона, этому сюжету тоже не суждено было воплотиться в жизнь.

А девочка эта все-таки сыграла свою роль в резком изменении жизни не только самого Джона, но и всего мира. Первым эпизодом ее роли стало счастливое исцеление от того недуга, который мог стать ее проклятием на всю жизнь – пока она не придавала значения своему уродству, которое нисколько не мешало ей осваивать окружающий мир, но кто знает, что могло бы случиться дальше, ведь девочка росла, взрослела и умнела...

Краем глаза размечтавшийся Джон увидел, что черное пятно охранника направляется в его сторону. Чем ближе подходил Фриц, тем понятнее становилось Джону, что не он сам является целью пути своего охранника, и на его уже жеманного скорчившемся от раздражения и досады лице (ах, оставьте меня, но неужели нельзя гению уединиться для общения с прекрасным и тайным!) появилось выражение удивления и любопытства. Его охранники так редко проявляли себя как объекты, обладающие самостоятельным интеллектом, а не просто как управляемые движущиеся предметы, что их шефу стало даже интересно, что могло прийти в одну из трех голов странного шестирукого и шестиногого существа его охраны, отпустившего одно из тел для самостоятельных действий.

Оказалось, неутомная юная спутница солидной сверх всякой меры компании, оббежав все дорожки, облазив все развалины и повисев на всем, на чем только можно было повисеть, будь то ветки дерева или негнибемый торс Джека, вдруг утомилась. И все бы ничего, только порадоваться всем тому, что грядут несколько счастливых минут тишины и покоя! Но охрана забеспокоилась оттого, что девочка, до этого зигзагами перемещавшаяся по Гефсиманскому саду и его окрестностям и способом своего передвижения наводящая ужас на квочкообразных мамаш и папаш, выгуливавших там свои многочисленные семейства, вдруг очень резко остановилась, потом села на землю и продолжала сидеть так уже не менее получаса, что было абсолютно нехарактерно для ее неутомимой натуры.

Она несколько раз поворачивала голову и смотрела на охранников, и они звали ее вернуться, махая руками и даже грозили пальцем, но она только улыбалась и продолжала спокойно сидеть на одном месте. Все это поведал нашему гениальному режиссеру Фриц, в конечном итоге все-таки изменивший траекторию своего самостоятельного путешествия, когда заметил, что его шеф вышел из мира грез и вполне способен на реакции, свойственные миру реальному.

После такой тривиальной развязки заинтересовавшего поначалу Джона возможного сюжета (покушение, верный телохранитель спасает своего шефа, жертвуя жизнью...ннет, жизнью не надо...пусть бы ему просто оторвало ногу...или нет, руку, да... руку...без руки тоже...можно...а как бы оторвало?...ампутация...ну...да...да....) он готов был почти разрешиться от досады. Ну что за жизнь!... И тоска, снедающая его все более и более по мере того, как шли недели и популярность его падала, а даже намек на что-то сенсационное, хотя бы мыслишку, идеечку, малюю-у-у-сенькую такую, пускай глупую, но чтоб просто было, чем заинтриговать журналистов (а уж они ты постараются дальше сами, мало они на мне заработали?!) не было и, скорее всего, так и не предвиделось, – тоска эта отравляла Джону даже самые приятные его мечтания, и он все реже мог вот так, весь, целиком, уйти из этого мира в другой мир его фантазий и желаний, где он был кумиром миллиардов.

Джон, проклиная тот день и час, когда решил связаться с этим маленьким чудовищем, устало побрел по направлению, где по объяснению Фрица сидела девочка – с того места, где стоял в театральной задумчивости Джон, ее видно не было. Фриц на почтительном расстоянии

семенил позади – он был некрупным, но исключительно длинноногим представителем человеческого вида, и, если он неспешно шел, с ним рядом можно было разве что только бежать, такой величины шагами перемещался он по поверхности земли. Остальные охранники тоже было стали подтягиваться, но уже подходя к поднявшейся ему навстречу Мири, и еще не вполне осознавая, что так необычно ему в привычном облике девочки, Джон интуитивно жестом приказал охране не приближаться. Те, как по команде, застыли черными неподвижными истуканами посреди обожженной солнцем пустыни и древних развалин, где сейчас не было ни души – туристы предпочитали пережидать самую жару в комфортных условиях и температурах отелей и ресторанов – все давно ушли, а воспаривший мечтами Джон просто не заметил исчезновения потенциального зрителя.

Чудо

Необычность, осознание которой молнией озарило пребывающее в тумане фантазий сознание Джона, состояла в том, что девочка стояла абсолютно ровно, не выворачивая ногу таким неестественным образом, что на это больно было смотреть. Теперь она даже казалась выше. Джон присмотрелся внимательней, да, так и есть – никаких следов увечья. Он посмотрел вокруг, сам не зная для чего, на всякий случай позвал:

– Мири? – тон был несколько сомневающийся, но в общем и целом, Джон не растерялся, его мечтательность и жажда чуда (правда, для себя, но... что ж поделаться...), сейчас очень выручили его. Девочка, поднявшаяся с земли навстречу Джону, остановилась, как бы вслушиваясь в новые ощущения своего тела, и стояла так все время, пока Джон шел к ней, и потом, когда он расспрашивал охранника о том, точно ли тот видел, что никто не приближался к Мири, и что, может, какие-нибудь птицы или звери, или, может, что-то непонятное самому Джеку, а может, он видел, что поднималась буря или может был дождь... После таких расспросов охрана все-речь обеспокоилась душевным состоянием своего шефа, тем более, что никто из них или не заметил перемен в Мири, или посчитал, что это так и положено. Джон был весьма озадачен и несколько раздосадован бестолковыми ответами охранника и своей беспечностью, из-за которой он не мог теперь точно знать, что именно произошло с ногой Мири.

Девочка энергично махнула головой и тут же бросилась, по своему обыкновению бежать, но побежала не к Джону, к нему она никогда не питала каких-либо чувств, а к отставшему от него Джеку, на котором и повисла, визжа и хохоча. Джон понял это по радостным крикам Мири и нечленораздельным звукам, издаваемым Джеком, пытающимся сохранить подобающее охраннику знаменитости пристойное лицо и положение тела.

Джон даже не обернулся, все внимание его было сосредоточено на том небольшом пятнышке пыльной земли, откуда поднялась ему навстречу Мири. Как человек, по природе своей все-таки любознательный и неглупый, Джон совершил некоторые осмысленные, но еще больше напугавшие охранника, который, впрочем, считал это очередной придурью своего шефа, действия. А именно, Джон потребовал у Фрица салфетку, набрал в нее пыли и камушков, какие мог наскрести на том месте, где сидела девочка, и заставил Бабу определить GPS координаты этой точки пространства. При этом он очень внимательно следил за тем, чтобы не наступать туда, где Мири оставила следы мятой одежды и причудливых узоров, которые она, видимо, выводила в задумчивости пальцами по пыли. После этого случилась еще небольшая фотосессия этого места с разных ракурсов и разными участниками – с Джоном и без него, с Мири, без Мири, с охранниками, без них, с каждым по одному, против солнца, по солнцу, издали, вблизи... Под конец этой истории все так умаялись, что готовы были расхныкаться, как и поступила их маленькая спутница, которая захотела спать и теперь терла глаза с таким ожесточением, что Джон поймал себя на мысли о том, что она легко может снова стать увечной, только теперь увечьем будет вытекший от оказываемого на него давления глаз.

Когда все вернулись в отель, то как по команде свалились спать, осоловев от жары и усталости. Только Джон, прежде чем улечься спать, потому что усталость не оставила и его своим вниманием, тщательно перекопировал фотографии и координаты места на несколько разных дисков. Сделав несколько непонятных звонков, потом еще долго искал в сети фотографии Мири и громко чертыхался, помяная журналистов такими словами, что даже слышавший от своего деда и не такое, невозмутимый и самый тихий из охранников Бабу приподнимал сонную голову и цокал языком то ли от недоумения, то ли от восхищения.

Джон искал такую фотографию девочки, на которой бы было хорошо видно ее увечье, он почти отчаялся – журналисты были так политкорректны, что снимали всегда только ровно столько от Мири, сколько призвано было умилять публику, а не расстраивать ее по пустя-

кам. Он решился было даже попросить фотографию у ее мамы, и даже набрал ее номер, но вовремя сообразил, что эта идиотка может подумать бог знает что, что девочку украли, например, ведь он сам пытался подкинуть ей эту идею... или еще чего похуже... да... с ней еще придется повозиться... В конце концов, Джон все-таки выудил из сети фото девочки во весь рост с подписью «Извращенец и педофил издевался над пятилетней девочкой на протяжении семи лет». Нелепость заголовка почти не задела его сознания, все его мысли были сейчас сосредоточены на двух вопросах – что случилось, и как это можно использовать. Только какой-то смутный образ всплыл в его сознании, он вспомнил, что именно семь лет назад уже бывал на Священной земле, но тогда, всеми позабытый, никем не узнаваемый и отчаявшийся, он был у Стены плача, хм... интересно, что он тогда засунул в эту стену... Чего он хотел?

Чего он мог хотеть? Только славы! Даже не признания, временами он переставал обманывать себя и в эти моменты осознавал себя посредственностью и бесталанным выскочкой, которому однажды удалось поймать за хвост удачу. Ему, конечно, очень льстило, что его охрана считала его непризнанным гением, но он знал, что если и удастся еще раз прогреметь на весь мир, то это может быть только слава, мимолетная и яркая, желанная и упоительная... Джон снова отдался мечтам и так и уснул, в лавровом венке проходящим через Золотые ворота... на большом полупрозрачном слоне, уши которого колыхались от ветра и издавали приятный мелодичный звук китайских колокольчиков...

Звонил телефон. Звонил, наверное, уже достаточно давно, потому что, когда Джон открыл глаза, его неразлучная тройка охраны стояла перед ним, заканчивая натягивать форму и очень недоброжелательно вглядываясь в телефон.

Джон, спросонья еще плохо соображая, схватил трубку, которая удивительно неприятным визгливым и одновременно хриплым женским голосом на чудовищном английском осведомилась все ли в порядке у господина, и не дождавшись никаких членораздельных звуков с другой стороны, объяснила причину своего утреннего звонка:

– Дело в том, господин Блю, вы всегда заказываете ужин в номер, а сейчас уже время завтрака, а никто из вас не вышел до сих пор из номера, а ужин, привезенный еще вчера из ресторана, так и стоит у вас под дверью. Это нехорошо, господин, ничего страшного, конечно, но это неправильно, они волновались, то есть не то, чтоб... а еще господин Блю, с раннего утра в отель рвутся какие-то подозрительные личности, уверяющие, что пришли именно к вам, и что, если эти... действительно к Вам, то лучше было бы... а то... полиция... Джон отставил трубку от уха, и гостиничный номер огласился капризным повизгиванием – слов было почти не разобрать, а только складывалось ощущение, что здоровая взрослая собака силится гавкнуть стянутым ремнями намордника ртом.

Было утро, они проспали чуть не до обеда следующего дня, нельзя было терять ни минуты, и Джон, полупривстав на кровати и, так и держа трубку в вытянутой руке, стал отдавать распоряжения непривычным резким, твердым, уверенным голосом. Охранники, давным-давно отвыкшие от такого обращения, поначалу недоумевали и, путаясь у шефа и друг у друга под ногами, создавали такую суматоху, что Джону пришлось раз или два даже прикрикнуть на них. Это их привело, наконец-таки в чувство, память об энергичном деятельном парне, который нанял их для охраны собственной персоны, потихоньку возвращала их отяжелевшим телам былую стремительность и точность движений. Потом они все четверо в компании трех, отобранных Джоном из группы семи-восьми действительно ожидавших его неподалеку от отеля инвалидов, ездили снова в Гефсиманский сад.

Джон отобрал из группы инвалидов, о прибытии которой за круглую сумму он договорился вчера по телефону с неприятным, но весьма полезным в подобного рода делах работника отеля, молодого, все время бормотавшего извинения, мужчину с вытекшим глазом, маленькую сухонькую пожилую уже женщину в инвалидной коляске и совсем юную девчушку с проявлениями церебрального паралича. Когда эта компания добралась до Гефсиманского сада, Джон

волновался так, как в своей жизни волновался только один единственный раз – на первом свидании, которое, впрочем, так и не состоялось – нет, девушка пришла, но у Джона случилась медвежья болезнь от волнения. Джон с помощью своих охранников нашел искомую точку пространства, на которой вчера случилось чудо и предложил каждому из отобранных им калек вступить на нее. Сначала добрые взрослые втолкнули на обозначенный участок перегретой земли девочку с церебральным параличом. Она бы упала, так энергично дама в коляске подталкивала ее в спину в направлении указанной точки, но как только девочка оказалась на месте, она вдруг с непривычной ей легкостью и ловкостью выпрямилась и смогла удержаться от падения. В первую секунду ни она сама, ни окружающие не отметили ничего необычного, но, когда девушка грациозно и изящно развернулась в сторону зрителей, все оцепенели. Это было... невероятно... Дама в коляске пронзительно завизжала, суча руками и пытаясь убраться подальше отсюда, мужчина без глаза же, напротив, замешкавшись на пару секунд, храбро ступил на чудесный пяточок... Зажмурился и застыл, ну, может, секунд на десять от силы, но окружающим они показались вечностью. Когда он открыл глаза, дама в коляске все еще верезжала, хотя уже без чувства, так, для проформы, хоть уже и не пыталась сбежать. Обнаружив, что молодой человек смотрит на нее не только одним, но и вторым, неизвестно откуда появившимся глазом, дама вдруг резко замолчала с остановившимся взглядом, вытаращенными глазами и раскрытым ртом глядя куда-то в небытие, - так что охранникам пришлось подкатить ее к месту исцеления и потом осторожно подтолкнуть – это было сделано довольно неловко и дама просто проехала сквозь обозначенную точку...

Эта великолепная восьмерка представляла сейчас со стороны довольно нелепое зрелище. Джон принял стойку бойца дзюдо, готового в любой момент дать отпор кому бы то ни было, Фриц и Баба, толкавшие коляску, застыли, опасно отстраняясь от чудесного места всем телом и закрывшись руками, девушка пребывала в состоянии глубокого шока и стояла ровно, чуть разведя руки, с вытянутым то ли от ужаса, то ли от удивления лицом, молодой мужчина, так счастливо обретший снова свой навсегда потерянный глаз, видимо, тестируя приобретение, беззвучно рыдал, аккуратно, бережно вытирая слезы. А дама, медленно катясь по сухой земле, продолжала взвизгивать.

Из оцепенения эту замечательную группу вывела тишина - дама вдруг перестала визжать, медленно поднялась с коляски и, ощупывая себя с таким неистовством, будто пытаясь покалечить снова, начала залиристо хохотать и направилась к Джону с распростёртыми объятиями. Двое других исцеленных тоже словно очнулись и последовали ее примеру. У охранников сработали профессиональные привычки и они отгеснили благодарных поклонников, как это было в давно забытые времена. Слезы вперемешку с истерическими взрывами хохота, словами благодарности и клятв неизвестно в чем достались стойким Джеку, Фрицу и Бабе. Их невозмутимость, впрочем не была такой абсолютно безразличной как обычно, они тоже были в замешательстве от происшедшего и в глубине души наделись, что этот фокус, устроенный их шефом, имеет иное объяснение, чем то, что приходило им на ум, а именно – что произошло чудо.

Джона все это начало раздражать не на шутку. Самое удивительное, что он теперь уже почти не волновался. Сейчас волнение Джона выразилось только в том, как колотилось его сердце, и все-таки крутил, крутил предательски живот! Из-за этой такой тривиальной неприятности он постоянно корчил такие рожи, что нежданно негаданно получившие в подарок ценнейший дар – здоровое тело и ясный ум – бывшие калеки с большим облегчением распрощались с Джоном, и с такой готовностью обещали никому не рассказывать о том, что, где и как с ними сегодня случилось, что даже охранники начали беспокоиться об их психическом состоянии.

Следующая неделя прошла в круговороте телефонных звонков, поездок, яростного чертыхания Джона, который то и дело искал что-то в сети и, судя по комментариям, слышным даже в коридоре, где почти все время теперь приходилось проводить охране, встречая и про-

вожая бесконечных посетителей, находил очень мало или совсем ничего: «ну, не то, не то, разве я это спросил?!!»

Джон теперь разделил охрану и один из неразлучной тройцы теперь обязательно состоял при маленькой Мири со строгим наказом всячески ей потакать и выполнять любые ее капризы. Мири, жизнь которой при дяде Джоне и до этого была полна подарков и прочих детских радостей, теперь, смекнув, что почему-то теперь дяде, больше чем раньше, нужно, чтобы Мири оставалась с ним и ни за что не хотела возвращаться к маме, которая, впрочем, тоже не слишком горела желанием увидеть свою дочь и пока еще ничего не знала о чудесах, случившихся с ее кровиночкой (слезы умиления и дрожащие от слез губы тоже предусматривались в этом сценарии, но несколько позже). Так вот, Мири буквально изводила своих сменяющихся нянек поневоле капризами такого масштаба, что в один прекрасный момент ее и выглядевшего как побитая собака нескладного Фрица доставили в номер под охраной пары полицейских за то, что юная дама развлекалась тем, что не нашла ничего веселее, чем, вырядившись в костюм какого-то морского гада, купленного по ее требованию в сувенирной лавке, пугала мирно прогуливающих прохожих.

Пользуясь тем, что костюм был достаточно объемным и бесформенным, а сама Мири достаточно шупленькой и гибкой, она заставила Фрица нести ее, перекинув через руку так, как будто бы это была просто гора тряпья и непонятно чего еще. Сама же из-под объемного капюшона следила за прохожими, и как только замечала, что кто-то более внимательно, чем это следовало бы по отношению к чужим вещам, начинал разглядывать, что же это такое необычное несет серьезный мужчина в темных очках и черном, не по сезону наглухо застегнутом костюме, как она соскакивала с руки Фрица и бросалась на засмотревшегося прохожего с диким визгом, а потом истерически хохоча и улюлюкая вслед растерявшимся и неловко улепетывающим от нее жертвам собственной любознательности, била в ладоши, подпрыгивала от радости и, дергая Фрица за рукав, требовала от него соучастия.

По правде сказать, со стороны это действительно было смешно, но когда какой-то ребенок, чуть старше самой Мири, пал жертвой своего любопытства и от испуга завопил так, что переплюнул даже полицейскую сирену, подъехавшую как раз к месту происшествия, а сочувствующие мамаше вопящего гражданские и не только лица обступили Мири таким плотным кольцом, что не стоило и думать о том, чтобы ретироваться незамеченными, стало очень-очень грустно, но еще не страшно. Что такое страшно Мири поняла в тот момент, когда их с Фрицем вернули в гостиницу. Вернули с условием, что опекун девочки оградит общество, так гостеприимно принимающего его и юную леди, от несдержанности, невоспитанности и некоторой ненормальности поведения последней. Джон, ругаясь так, что проходящие мимо дверей их номера горничные, шарахались и напуганные бежали к своему начальству с твердым убеждением, что там будет убийство, пообещал:

– Все!..... плевать!.... домой!....., к матери!..... к этой ...идiotке, – последнее слово было самым приятным из того, что изрыгал Джон, и что абсолютно неприлично говорить при детях или печатать в книжке.

Надо сказать, на Мири такая речь произвела неизгладимое впечатление и с того самого дня с ней больше не было никаких проблем.

А Джон, тем временем, все наращивал и наращивал темпы работы. Он так загнал и себя, и свою охрану, что, если те еще хоть что-то понимали в начале его бурной деятельности в том, что, собственно говоря, от них требуется, то теперь, запуганные непривычно решительным и властным, постоянно срывающимся на крик, шефом, и не имеющие никакого представления о конечной цели прилагаемых усилий, потеряли всякое соображение и ориентацию во времени и пространстве...

День седьмой

– Почему мне никто не сказал!!! – громыхал Джон, – неужели я требую невыполнимого?!! – криком, конечно, уже ничего поправить было нельзя, да и надо ли было? Пришла суббота и почти все его новые деловые партнеры, которых всю неделю привозили и проводжали в его номер охранники, или к которым Джон ездил сам для уточнения деталей контрактов, закрыли офисы, отключили телефоны, установили автоответчики на факс и отправились со своими многочисленными семействами на природу, вкушать куриный шашлык. Буря по поводу того, что уже суббота, бушевала не долго – Джон и сам понимал бесполезность и бессмысленность своих претензий, но то нечеловеческое напряжение, которое помогло ему за каких-то шесть дней полностью подготовить всю юридическую, материальную базу и даже набрать персонал для организации нового телевизионного шоу, не находя выхода в деятельности – все как будто остановилось – выплескивалось криком.

Наоравшись, Джон рывком уселся за рабочий стол и с каким-то ожесточением уставился в монитор, несколько десятков секунд он, тяжело дыша и непроизвольно сжимая кулаки, просидел так, потом резко развернулся на офисном стуле, окинув взглядом стоявшую на вытяжку верную троицу, которая, казалось, вытянулась еще сильнее, так же резко подошел к зеркалу шкафа, всмотрелся в свое отражение. На него глядело изможденное, с темными кругами под глазами вдохновенно-безумное лицо, недельная щетина, сторбленные плечи, измятая несвежая одежда дополняли этот и без того достаточно отталкивающий образ. Джон распрямился, пригладил волосы, задумчиво потер подбородок – его движения становились мягче, замедленнее, спокойнее, – снова повернулся к охране и каким-то даже жалобным тоном попросил: – Полотенце дайте, мне бы ванну... Все снова засуетились, но теперь эта суета утомляла Джона; напряжение этих дней постепенно оставляло его.

Пока он ждал, что его верные охранники, секретари, водители и домработницы в одном лице (а точнее в трех) приготовят все для того, чтобы он смог принять ванну, он пытался очистить сознание от то и дело вспыхивающих идей, рассуждений, воспоминаний, которые сейчас только досаждали ему. Он одновременно силился собрать в точку фокуса всё, что он сделал за последние дни, чтобы затем одним окончательным на сегодня усилием воли отбросить все сомнения и переживания и просто отдохнуть, уснуть, только не так, как он спал все эту неделю – редко, в полглаза, урывками, с кошмарными сновидениями, полными шума, лстивых улыбок новых партнеров с нехорошим блеском в глазах округляющихся от сумм, которыми разбрасывался Джон направо и налево – все было подчинено главной цели: успеть, успеть, пока никто не знает, успеть, пока никто не опередил...

Уснувшего прямо в ванной Джона верная охрана перенесла в кровать, где он благополучно проспал весь субботний день. Под вечер, часов в пять, подосланная охранниками Мири, до смерти перепуганная поручением, пыталась разбудить Джона. Джон вполне осмысленно открыл глаза и сел на кровати, погладил остолбеневшую от ужаса Мири по голове, сказал, чтоб она не боялась, что это всего лишь сон, взглянул на настенные часы и, укладываясь снова, сказал, что еще есть пару часов, чтобы поспать...

В воскресенье, с которого в этой земле начиналась рабочая неделя, Джон полностью отрицал какую-либо возможность такого поступка, был по-прежнему решителен и деятелен, но гораздо более вменяем – на крик больше не срывался, и если что-то кому-то было непонятно (а непонятно было довольно часто – трудно выполнять поручения, когда не знаешь, какого именно результата добивается тот, кто тебе его дал), Джон терпеливо повторял снова, ничего, правда, не проясняя в ситуации, но четче артикулируя и как-то вкрадчивее проговаривая слова.

Благодаря тому, что работа кипела с самого утра, а утро для всех, кто подвязался в эту неделю работать с Джоном, началось, когда солнце еще пряталось за горизонтом, только при-

норавливаясь к тому, как бы посильнее и нещаднее изжарить сегодняшний день, после полудня все, наконец, увидели, ради чего же они, собственно говоря не щадили ни головы, ни живота своего. Можно сказать, что Джон, в каком-то смысле, был солидарен с планами солнца и, вероятно, не только на сегодня – он задал такой нечеловеческий темп работы, что местные наемные работники, даже не представлявшие себе, что можно не только двигаться с такой стремительностью, но еще и успевать соображать при этом. Привыкшие к по-южному неспешным и слегка ленивым тело– и мыследвижениям, нанятые за очень (даже очень-очень!) приличное вознаграждение операторы, ассистенты режиссера, декораторы, звукорежиссеры, координаторы и распределители, рабочие сцены и охрана, численность которой была определена Джоном как «стена, через которую даже мышшь не проскочит, по всему периметру условной сцены в 30 квадратных метров», – все они к концу первого рабочего дня спеклись, как уши Омана, и даже, кажется, пригорели – то ли от ритма, заданного их новым работодателем, то ли от нестерпимой жары – и в первый раз в своей жизни, к удивлению своему, вдруг прониклись глубоким значением слова РАБОТАТЬ.

С результатом своей работы они могли бы ознакомиться в тот же вечер, когда в ночном эфире пары местных каналов, нескольких международных и в сети (отвратительное качество, блогеры хреновы... откуда только руки у них растут...) было показано, пока в записи и в несколько урезанном виде, новое шоу с непритязательным названием «Гефсиманский сад», но, к сожалению, все они спали крепким сном мертвецки уставших людей. Из всех, имевших хоть какое-то отношение к шоу, его смотрел только сам Джон – это была его работа – оставшиеся часы ночного отдыха он посвятил исправлению ошибок. Да, здесь неудачный угол... оператора переставим... здесь... нет... нет... здесь! Здесь и здесь – два оператора! Так, этого уволить... сюда и сюда надо мониторы для крупного плана... отттт... чертов декоратор... цветочки-ленточки... Через три часа тихое бурчание под нос смолкло, и Джон позволил себе пару часов вздремнуть. Следующий день отличался от предыдущего только тем, что работать пришлось еще быстрее, нанятый персонал, по-прежнему, мало понимал, что же, собственно говоря, они призваны совершить все вместе, уволенные – впервые в своей жизни, да и, наверное, в истории трудового права – были довольны как самим фактом своего увольнения, так и тем, как это самое увольнение было осуществлено.

Джон сделал это элегантно: тех, в чьих услугах он больше не нуждался, а также некоторых из тех, кто безбожно опоздал, не услышав звонка будильника и не вняв истерическим воплям очарованных невиданными гонорами домочадцев, просто не пропускала та самая охрана-стена. А небольшой человек с цепким взглядом и непроницаемым выражением лица, появившийся в окружении Джона в первый день его неожиданного преображения, и с тех пор постоянно оказывавшийся как раз там, где Джону вдруг оказывалось нужным о чем-то спросить своего главного финансиста, выдавал ошалевшему то ли от счастья, потому что сегодня к вечеру он останется жив и не будет валиться с ног от нечеловеческой усталости, то ли от неожиданности, потому что небеса так быстро услышали его вчерашние молитвы, то ли и от того, и от другого сразу, конверт, в котором находилось увольнительное письмо с благодарностью за труд, какая-то непонятная финансовая бумага с циферками и буквочками, а также весьма внушительная сумма наличными.

К концу второй недели работы все, кто смог удержаться на этой сумасшедшей работе, наконец-то, поняли, какое одно большое дело они делают, и даже смогли найти в себе силы посмотреть на результат своего ратного подвига в сети. Шоу «Гефсиманский сад» являло миру чудеса священной земли, которая на крохотном участочке, величиной примерно с ладонь крупного взрослого человека, дарила больному – исцеление, увечному – исправление, бесноватому освобождение.

Проблема

Вообще, даже сам Джон до конца не осознавал, какую редкую удачу повезло ухватить ему за хвост – крохотный кусочек земли, обладающий необъяснимыми, ненаучными свойствами, затерявшийся среди пыли и развалин, вполне вероятно многие столетия дарил свои благодеяния только птицам, да заплутавшим кошкам, водившимся на этой земле в несметных количествах в самых неожиданных местах. Он не переставал благословлять тот день и час, когда в его все-таки чертовски гениальную голову пришла идея взять с собой эту несносную девчонку... а, может, это доброта его поступка... бедная девочка... или тогда у стены... что же я все-таки тогда просил... что-то писал на бумажке... плакал... наверное... В общем... спасибо?! Да, спасибо! Конечно, спасибо... Гм... Я – рука providения, теперь все страждущие будут... благодаря мне... я... новый пророк...

– Кх..кх...гм... – несвязный поток сладких грез, так давно не уносивший Джона в тот мир, где ему не нужно лезть из кожи вон, чтобы хотя бы десятая часть жителей планеты обратила внимание на те чудеса, которые совершаются в его шоу, был деликатно прерван вездесущим финансистом. Йоси Гросс крайне редко беспокоил Джона и никогда по пустякам, потому сейчас Джон в ту же секунду, как только первое покашливание достигло его сознания, обратился в внимание и слух.

– Гм... – откашлялся Гросс еще раз, – понимаете ли, – Йоси был сухим и жилистым старичком, и его голос, низкий, бархатистый, совсем не вязался с его внешним обликом. Надо сказать, что Джон почти влюбился в этот голос, когда впервые разговаривал с его обладателем по телефону, назначая встречу для собеседования о вакантной должности главного финансиста проекта. Жизнь показала, что с таким главным финансистом с легкостью можно было ограничиться одним только главным финансистом.

– Понимаете ли, Джон, вы имеете сейчас некоторую проблему, которая не относится к моей компетенции, но так как ваши люди обратились ко мне, чтоб я... – Йоси, – они сказали, – Джон разумный человек и он выслушает тебя, ты тоже разумный человек и ты сможешь объяснить ему всё правильно – так вот, чтобы именно я рассказал Вам, какая сейчас есть проблема, и что ее нужно решить. Если Вы, Джон, – Йоси говорил тихо, глубоко и медленно, немного смягчая согласные, оттого Джон в его устах звучало как Джён, – такая манера, а также необычный порядок слов, который всегда завораживал Джона, как бы отвлекали слушавшего от процесса восприятия звучащих слов, но само понимания сказанного вдруг проявлялось в сознании четким и понятным фреймом, и почти против своей воли внимавший этому волшебному голосу оставался спокойным и удивительно рассудительным вне зависимости от того, какую новость ему сообщили только что... – но хотите послушать моего совета, я могу Вам его сказать. Вас интересует проблема?

– Проблема? – Пока Йоси говорил, Джон не только успел примириться с мыслью о том, что у него есть проблема, но и уверить себя в том, что проблема решаема, и что чем дольше он будет слушать этот дивный очаровывающий голос, тем быстрее и проще разрешатся любые проблемы, а то и не возникнут вовсе, – Дда, да, Йоси, я слушаю, Вы говорите проблема не в финансах?

– Нет, нет, что Вы, что Вы, Вы такой хороший директор, а я скромный финансист, но мы хорошо делаем каждый свое дело, и с финансами у нас всё в порядке, – Джон хотел уже перебить степенную речь Йоси, но тот вдруг самым неожиданным образом быстро и максимально четко изложив суть проблемы, закончил реплику, – только очень нехорошо стало с одним спонсором, он пожелал сам проверить запрещенное место и умер. – Йоси спокойно проговорил все слова, не меняя интонации, не выделяя ни буквы, потом сделал паузу, пережидая пока Джон, почти поперхнувшись словами, которыми хотел поторопить Йоси, и не находя пока никаких

других, чтобы отреагировать на сказанное, перестанет вращать глазами и ловить ртом воздух, и продолжил: – вы будете слушать, что я могу Вам сказать?

Джон понял полную безнадежность справиться со своим артикуляционным аппаратом, просто махнул головой в знак согласия.

– Я скажу. Вы говорите – есть проблема, а я скажу проблемы уже нет. Уже никто не захочет без разрешения лезть, куда не следует. А вдова будет только рада, что то, что этот неугомонный человек хотел пожертвовать на Вашу программу, останется вдове.

С Джоном случился приступ заикания: – Ккаккк...вв..вввд...ккк... – Йоси терпеливо ждал, пока дар речи снова вернется в его директору. Наконец, Джон выговорил – вдова?! – думать он пока не успевал, – Вдова... – еще раз повторил он, почти справившись с собой.

– Вы меня извините, господин директор, но я спросил того шустрого молодого человека, который так быстро управляется со всеми Вашими компьютерами, что у меня, старого человека, просто начинается головокружение, что он скажет за семью этого спонсора, и он через пятнадцать секунд нам все сказал! Он сказал, что есть жена, а я скажу так, что если Вы, господин директор теперь позвоните вдове и принесете соболезнования, к которым присовокупите тот чек, который выписал для Вашей программы этот добрый человек, то через пять минут мы все даже уже не будем помнить о том, что вы называли проблемой.

– Я... нне называл, – начал было Джон, но тут Йоси открыл вместительную и весьма увесистую старую кожаную папку, с которой он никогда не расставался, и извлек оттуда два заполненных чека. Джон взял чеки с некоторым недоумением – речь шла об одном чеке.

– Как распорядится господин директор? – без тени иронии или усмешки осведомился финансист, когда Джон, разглядывая оба поданных чека, понял, почему их два – первый чек был выписан рукою погибшего спонсора и содержал в себе цифру с семью нолями, а второй был стандартным чеком, которыми обычно расплачивался Джон, но сумма была на один ноль поменьше.

Не позволяя Джону растеряться и предупреждая его вопросительный взгляд, финансист сказал чуть быстрее, чем обычно: – Наверное, господин директор сможет взять на себя все расходы и хлопоты по организации похорон этого достойного человека, тем более что вдова так еще молода и совсем неопытна как в делах такого рода, так и в финансовых вопросах бизнеса своего покойного мужа...

Джону не нужно было повторять два раза, он уже пришел в себя и, лаконично кивнув, вернул Йоси чек спонсора, стремительно вышел из кабинета со вторым... и чуть не налетел на выстроившуюся как на парад всю команду, немногочисленную, но состоящую из самых стойких и преданных делу.

Уговаривая старого финансиста пойти к Джону с заведомо скандальной новостью, они преследовали две цели: во-первых, в гневе Джон был страшен, невменяем и непредсказуем, и его боялись все, а во-вторых, никто из них не представлял себе, что можно сделать в такой ситуации, какая сложилась сейчас в их шоу, поэтому всеобщим обсуждением решили, что хоть немного остудить неизбежное проявление не самых приятных эмоций Джона может только тот, на кого, как было всеми подмечено, Джон ни разу не повысил голоса, и к чьим советам, как тоже было подмечено, директор всегда прислушивался.

Пять минут, которые прошли с момента, когда финансист зашел к Джону и до того, как последний выскочил из-за двери, показались команде шоуменов поистине бесконечными, и когда Джон резко и потому неожиданно появился в дверях, все вздохнули с облегчением, несмотря на трепетный ужас перед своим начальником. Вопреки ожиданиям команды, Джон не стал отчитывать их, он сосредоточенно обвел всех глазами, остановил взгляд на специалисте по связям с общественностью, отозвал его в сторону, негромко, но четко дал ему какие-то указания и вручил ему чек, после чего указанный специалист озабоченно направился в сторону

инфобокса, где находились все компьютеры шоу. Повернувшись к остальным, так и стоявшим в ожидании, Джон сказал: – Показывайте, – и сам зашагал вперед.

Когда все они подошли к месту происшествия, Джону сделалось нехорошо от того, что он увидел там, ноги подкосились, руки задрожали, мысли запрыгали... все столпились чуть поодаль и с надеждой ждали от Джона правильных слов и действий, а он все свои силы употреблял на то, чтобы с дикими криками ужаса не убежать куда глаза глядят. Вид сморщенного и какого-то словно выгоревшего изнутри ненормально маленького и скрюченного того, что осталось от пышущего здоровьем и самоуверенностью здоровяка, каким был упомянутый спонсор при жизни, мог кого угодно свести с ума.

– Кх...кх.. – господин директор, – воистину Йоси был добрым ангелом Джона! – Джон получил возможность отвернуться от этого нечеловеческого зрелища, чем и воспользовался с огромным облегчением. Когда он повернулся, сотрудники отметили, что их железный директор бледен несколько сильнее, чем это было позволительно человеку такой высоты положения.

– Да? – Джон посмотрел на Йоси и понял, что впервые в жизни решил проблему еще до того, как вообще смог оценить ее масштабы и, ужаснувшись, впасть в истерику или от отчаяния опустить руки. Он готов был броситься на шею Йоси, его чудесному избавителю...

Однако Йоси не разделял его теплых чувств, он аккуратно остановил уже раскрывавшего объятия Джона, и взяв его под локоть, отвел в сторону настолько далеко, чтобы не было слышно, о чем они говорят. Своим низким, бархатным, завораживающим голосом бывший финансист шоу поставил Джона в известность: – Вы знаете, господин директор, та разница, которую вы заметили на финансовых документах, она может покрыть и мое выходное пособие. И я думаю, что вы не станете возражать, что моё участие во всем этом деле, – финансист чуть качнул головой и круговым движением глаз обвел павильон шоу, – может быть рассмотрено как состоявшееся. – не давая Джону возразить, Йоси продолжил – Молодой человек, мы с вами смогли помочь другу другу, но поверьте мне, что такие впечатления, – тут Йоси едва заметным движением всего тела указал на то, что осталось у них за спинами, и Джона снова передернуло лишь от одной только мысли об этом, – это не то, что хочется иметь в моем возрасте.

Джон не посмел возражать или уговаривать, но ему было безысходно жаль терять этого удивительного специалиста:

– Но-о, – все-таки начал Джон...

– Я Вам пришлю очень хорошего мальчика, он сможет и дальше вести ваши финансовые бумаги так, что вы не будете иметь никакой головной боли, – бывший главный финансист, как всегда, опередил господина директора и мыслью и делом.

После слов о головной боли, Джон, и вправду, вдруг почувствовал, что у него нестерпимо раскалывается голова и к горлу подкатывается тошнота. Не попрощавшись с финансистом и почти на бегу показав жестом, что на сегодня все свободны все еще толпившимся в отдалении работникам, Джон влетел в свой вагончик, где его желудок вывернул весь организм наизнанку. Между приступами удушающих спазмов, Джон слышал, как низкий приятный голос финансиста делал ему последнее одолжение – успокаивал команду шоу и отправлял всех домой.

Джон принял слоновью дозу лекарств – сразу от головной боли, от стресса и от усталости – и, упав на постель, почти сразу провалился в липкий наркотический сон. Спал он тяжело и беспокойно, то и дело просыпался, потом снова забывался даже не сном, а каким-то полным абсурдных видений, от которых он с ног до головы покрывался холодной испариной, состоянием, похожим на транс. Иногда ему казалось, что он видит будущее, и он силился проснуться, чтобы не заспать это знание, но только еще глубже погружался на самое дно своих тревожных видений, и только они, ужасающие и пугающие выталкивали его в реальность, которая встречала его скомканной мокрой от пота постелью. Утро тоже наступало тягуче и влажно, солнце никак не могло выпутаться из молочных рыхлых облаков, но часа через два все-таки востор-

жествовало на небе и земле, обесцвечивая успокаивающую синь вокруг себя и нещадно выжигая все, куда доставали его лучи.

Что именно вчера сказал Йоси команде Джона, так и осталось для Джона загадкой, но сегодня, и во все последующие дни, даже в те, когда случаи, подобные прецеденту со спонсором, повторялись, команда, постепенно уменьшившаяся до восьми человек, включая Джона и нового финансового директора, продолжала выполнять свои рабочие обязанности спокойно, без истерик и суеты, четко, решительно и хладнокровно.

Небесное воинство

Пришло время представить команду, с которой Джон входил в период своей мировой славы, предмета вождельных мечтаний всей его жизни.

С самим господином директором и его охраной мы уже знакомы – Фриц, Джек и Бабу так и остались верны своей привычке по имени Джон. Когда для нужд шоу была нанята другая, во много раз более многочисленная и, несомненно, более профессиональная группа охранников, неразлучная троица безропотно приняла опалу и довольствовалась мелкими поручениями курьеров и чернорабочих.

Для Мири была нанята гувернантка, потому что курица, несущая золотые яйца требует особого ухода, как верно подметил только один раз первый финансовый директор шоу Йоси Гросс. Гувернантка Ривка Каиц была единственной, кроме Мири, особой женского пола в команде Джона, но если бы кто-нибудь спросил любого как из самой команды, так и тех, кто имел с ними опыт работы или общения, каждый, не задумываясь и ни секунды не сомневаясь, ответил бы, что команда исключительно мужская. Сама Ривка называла себя педагог Каиц и ревниво следила за тем, чтобы ее называли только так и не иначе. Это была абсолютно необъятных размеров дама, весьма проворная для своего телосложения, берущаяся за любое дело без сомнений и раздумий, громогласная в изречении простых, но чрезвычайно верных, а в ее исполнении еще и удивительно понятных и доходчивых, истин вроде: «Сейчас девочка идет спать, а все вопросики, маленькие они или большие, меня это не интересует, вы сможете задать ей завтра. И не в пять часов утра, уважаемый директор, а в девять часов девочка после завтрака выйдет к Вам и Вашим вопросам».

Очень быстро она взяла на себя все работы по обустройству холостяцкой жизни Джона, предварительно прочитав не длинную, но полную презрения к тому, что и как делали Джек, Фриц и Бабу, думая, что они занимаются устройством быта, лекцию о том, что «если ты руки у тебя не предположены ни для чего, кроме как держать ...», в общем, в выражениях Каиц, в отсутствие девочки, не стеснялась. Ее праведный гнев по вопросам уборки, стирки и приготовления еды держался еще на протяжении нескольких дней, за которые она сумела наладить дело так, что Джон сам удивлялся, как это раньше он умел обходиться без Каиц.

Наладив быт Мири и Джона, Педагог Каиц несколько потеплела к впавшей в немилость по всем статьям троице и также поставила их на довольствие. Большую часть времени Каиц (так ее называли чаще всего и со временем она смирилась с тем, что самая главная, по ее мнению, часть ее имени – Педагог – воспринимается не иначе как должность, а не звание, и посему не упоминается) проводила, занимаясь с Мири. Сложно сказать, каким она была педагогом, но терпения и старания ей было не занимать, и Мири, поначалу бунтовавшая и пытавшаяся извести воспитательницу, сдалась и даже находила некоторое удовольствие в обществе этого Педагога, – дамой ее называть, конечно, можно было только с большой натяжкой.

В то время, в которое мы оставили нашу команду, чтобы поближе познакомиться с каждым из ее участников, Каиц обихаживала уже все семь вагончиков, в которых жили и работали шоумены, а также в специально заказанном по ее же слову, даже не требованию, вагоне-столовой, готовила завтраки, обеды и ужины для всей честной компании.

Джон занимал самый просторный и комфортабельный вагончик, который стоял несколько поодаль от павильона шоу. Неподалеку от него, с одной стороны располагался тоже достаточно просторный, ну, может, менее комфортабельный вагончик, где поселилась троица. С другой стороны от вагончика Джона располагались два, составленных стенка к стенке, вагончика, в которых помещались Мири и Каиц.

Рядом с павильоном стояло два вагончика, в одном из которых жил Икс, как он отрекомендовался в первый же день своего участия в этом проекте, и это был единственный вагон-

чик, куда доступ вездесущей Каиц был закрыт категорически и бесповоротно. Неприкасаемый вагончик был соединен с той частью павильона, где располагалась вся компьютерная техника, необходимая для нормального функционирования всех систем шоу и доступ кому бы то ни было в святая святых Икса был закрыт раз и навсегда, после единственного случая в первые дни работы шоу, когда сам Джон, ворвавшись к Иксу с каким-то поручением, случайно зацепил ногой провод, коих было разбросано по полу, висело на стенах и торчало из ящиков шкафов и столов, бесчисленное множество. В результате этого происшествия произошел какой-то сбой в трансляции шоу, и уже Икс орал на Джона, чего на тот момент не мог себе даже позволить ни один из только начинавших свой путь в шоу-бизнесе работников. После этого доступ кому бы то ни было в этот отсек павильона был закрыт окончательно. Правда с Иксом жила кошка, обыкновенная полудикая кошка цвета пустыни, которая гуляла сама по себе и по павильону, – на нее табу на посещение рабочей комнаты Икса не распространялось, она даже имела особое право спать, где ей вздумается, и только сам Икс, ну, еще кошка, могли свободно передвигаться по этой комнате, не рискуя что-нибудь свалить, перевернуть или выдернуть.

Во втором вагончике жил небольшого ростика крепкий, подвижный человек с удивительно кривыми, колесом, ногами и длинными не по росту руками. Но этими руками человек умел делать все – техник, электрик, сантехник, ассенизатор, плотник, слесарь, – наверное, проще было бы сказать, чего не умели эти руки, хотя, какое там! – еще до того, как Джон нашел для Мири Педагога Каиц, Ахмад – так звали человека, время от времени выполнял обязанности шеф-повара и помогал костюмерам подгонять костюмы для ведущих шоу.

Кстати сказать, Ахмад был единственным человеком во всей компании, который опознал в Каиц особь женского пола и первое время даже пытался за ней поухаживать, что, впрочем, могло бы закончиться весьма плачевно для Ахмада, если бы не его природная веселость и неисправимый оптимизм. Закончилась история с ухаживаниями совместным распитием почти ящика пива и состязанием по армрестлингу, в котором, впрочем, победил все-таки Ахмад. После этого Каиц пересмотрела свое пренебрежительное отношение к этому коротышке, даже прониклась к нему чем-то вроде уважения и иногда, под настроение, даже допускала его, единственного из всех, в кухню для помощи в готовке. Для неквалифицированных кухонных работ Каиц привлекала троицу Джека, Фрица и Бабу, которые на кухню не допускались, а довольствовались только тем, что могли вдыхать манящие ароматы, работая в пристройке рядом.

Между вагончиком директора и столовой стоял не такой шикарный как у Джона, но уж точно получше, чем у остальных членов команды, вагончик финансиста.

Новый финансовый директор представлял собой молодого, но уже довольно тучного, краснолицего, светловолосого, с широким, каким-то бабьим лицом и высоким женским же смехом, балагура, который, где бы он не появлялся, казалось, ставил себе целью всех рассмешить и развеселить. В отличие от своего предшественника, который никогда не попадался на глаза, но всегда появлялся там, где он был сейчас нужен больше всего, незаметно и вовремя, этот «мальчик», действительно появившийся на следующий день после оригинального увольнения предыдущего финансиста, и весьма напыщенно и не без самодовольства заявивший, что он от Йоси Гросса, – этот ни на минуту не замолкающий весельчак, всегда оказывался там, где его никто не ждал и меньше всего хотел сейчас видеть.

Он совал свой небольшой, но тоже красный от полнокровия нос во все мелочи, он знал всё обо всех, и на все у него всегда была поучительная история, неизменно заканчивавшаяся анекдотом и его заливистым, пронзительным смехом. Хотя к его смеху так и не смогли привыкнуть, шутил он, действительно, неплохо и к месту, да и работу свою знал – у Джона, как и прежде, не было никаких проблем с финансами, кредитами, спонсорами, жертвователями, банками... Всем этим занимался исключительно Серж, самое удивительное, никто не мог понять, только когда? когда он всем этим занимался, если с утра до вечера только и делал, что бегал по павильону или по вагончикам, в которых и жили, и работали члены команды Джона.

Бытие

Первый год шоу пролетел удивительно быстро. Правда, по прошествии этого срока каждый из восьми шоуменов отметил для себя, что внутреннее ощущение пережитого заставляет оценивать прошедшие двенадцать месяцев, как, возможно, самые значимые дни своей жизни и оставляют обманчивую, но твердую убежденность в том, что с тех пор, как каждый из них впервые увидел в сети объявление о срочном приеме на сложную и высокооплачиваемую работу – звонить по телефону... писать на мэйл... – до того момента, когда Джон собрал всех в вагоне-столовой и сдержанно, но с видимым удовлетворением объявил всем, что за прошедший и самый первый год трансляции шоу им удалось добиться высоких рейтингов, сравнимых с рейтингами самых популярных программ, увеличить количество трансляций, время показа программы и количество каналов и сайтов, транслирующих их шоу, прошло, как минимум пару десятков лет. Со временем к бешеному темпу работы привыкли, да и отлаженная машина шоу катилась теперь намного легче, чем это было в самом начале.

Сейчас как раз было такое время в жизненном цикле любой популярной программы, когда растущая популярность уже помогает корректировать, улучшать программу и продвигать ее по рейтингам и трансляциям, но еще не мешает спокойно работать. Еще не было нашествия обезумевшей публики, согласной на любые условия, лишь бы попасть на шоу, в любом качестве – как основного героя, как зрителя или просто ночующего прямо на территории музейного комплекса под открытым небом фанатика с мутным взглядом и беспокойной улыбкой, которому достаточно время от времени в периоды прояснения рассудка осознавать себя пребывающим рядом с ШОУ! Пока еще троица охранников снова самостоятельно справлялась с задачей охраны порядка на территории импровизированного поселения и безопасности его обитателей. Пока еще было так. И так было еще несколько лет, которые незаметно подошли к десятилетнему юбилею.

Джон сделал верную ставку на природную тягу человеческих существ к чудесам и веру в возможность моментального исцеления без обращения к ненавистным врачам, длительным периодам лечения и восстановления. Его программу смотрело все больше и больше людей по всему миру, сайт их программы был одним из самых посещаемых в сети и отбоя не было от желающих исцелиться на глазах у всего мира. Нужно сказать, что к вопросу отбора кандидатов на роль исцеляемого Джон с первого дня относился максимально серьезно, всегда сам проверял все сведения о несчастных, никому не доверяя и ни на кого не перекладывая этой непростой миссии – рукИ провидения в судьбе обращавшихся к нему увечных телом.

Интуитивно Джон с самого начала отдавал предпочтение не обремененным семьями и родственными связями, а также другими благами цивилизации типа собственного жилья, калекам, с ярко выраженными физическими недостатками. А уж после происшествия с одним из спонсоров, который в своей тупой самоуверенности решил проверить, как работает это чудесное место на собственной шкуре, за что ею же и поплатился, Джон не только стал еще придирчивее отбирать подходящих, но и старался отследить их последующую судьбу.

Как правило, привычный образ жизни калек брал свое и они, оставаясь такими же неприятными в своих предпочтениях и потребностях существования, не доставляли ни Джону, ни шоу каких-либо неудобств. Но с каждым днем искать кандидатов на исцеление, которые бы вполне удовлетворяли критериям, предъявляемым к ним Джоном, становилось все сложнее. Количество желающих побывать на шоу и стать звездой увеличивалось, а вот процент действительно увечных среди них стремительно сокращался, потому что какой-то общественный деятель, живущий распределением пожертвованиями среди сырых и убогих, правильно отследив тенденцию и испугавшись возможных последствий, выступил в средствах массовой информации, а потом еще и конференцию организовал (кстати, все на те же пожертвования) по вопросу,

сформулированному им в весьма двусмысленной формулировке «Исцеление и страждущие: что для чего?».

Его путанная речь, внешне изобилующая восхвалениями «нашему общему делу помощи несчастным», в конечном итоге свелась к тому, что он сумел запугать этих самых несчастных, обрисовав самыми черными красками их ближайшее будущее: – Перед этими несчастными, которые не могли даже надеяться на лучшую жизнь, теперь забрезжил слабый лучик надежды. Но на что надеются они? На то, что когда, избавившись от того, что с рождения постоянно и неотступно было с ними, что формировало их отношение к обществу и обуславливало бескорыстную, пробуждающую лучшие чувства помощи ближнему общественную заботу о них, что теперь они смогут прокормить себя, не имея ничего за душой, не умея ничего, кроме того, чтобы вызывать высокие чувства жалости и сострадания в тех, кому в этой жизни повезло больше!?

Договорился этот оратор, почувствовавший, как его теплое место и сытная кормушка с неуклонной неизбежностью теряют плотность структуры и четкость очертаний, до того, что обвинил Шоу в том, что оно способствует распространению жестокосердия в мире, выжигает светом своих софитов способность человечества к сочувствию и жертвенности. Плохо прикрытое лицемерие этого и подобных ему вещателей, размножившихся как жабы на болоте перед дождем, тем не менее, очень многих заставило серьезно поразмышлять над реальностью возможных сложностей и проблем, вытекающих из самого факта существования шоу. Эти размышления вылились для шоу в крупные денежные вложения на покупку некоторой недвижимости, предметов искусства и в другие абсолютно альтруистские действия в пользу неназываемых лиц, о которых Серж в свойственной ему манере, многословно, но остроумно, пронзительно хохоча, сообщил Джону.

Шоу приносило весьма убедительный доход, и Джон смог уже полностью вернуть не только то, что было вложено в экстремально быструю организацию всего мероприятия, но и все, что он потратил со дня получения баснословного гонорара за свою гениальную, первую и последнюю в своем роде, ленту.

Как человек творческий и не жадный, Джон намеревался со временем свернуть шоу, не привлекая дополнительного внимания, твердо зная, что популярность – дама весьма забывчивая, и то, что сегодня занимает умы миллионов, заставляя их, оставив дела, забывая о проблемах и заботах, устремляться к экранам и мониторам, завтра может также легко канет в лету полностью и бесповоротно – так, будто никогда и не существовало ничего подобного, так что даже не о чем и говорить. Рейтинги программы после первых трех лет решительного роста потом замедлились в своем стремлении вверх и Джон предсказывал шоу не более трех-пяти лет до того времени, когда количество желающих смотреть шоу начнет медленно уменьшаться, а потом резко упадет до такого минимума, когда красиво уйти, раздавая автографы и интервью, и выбирая, какой рекламный контракт достойнее твоего внимания, уже будет невозможно.

Команда шоу работала как прежде четко, быстро и слажено, но в полном соответствии с этим прогнозом каждый из них задумывался о том, чем он займется потом. Все они были счастливыми владельцами весьма внушительных материальных средств, для того чтобы ни дня не работать после окончания шоу, но не всем такая перспектива казалась достойным завершением карьеры успешных людей. Икс, например, просто бредил идеей создания искусственного интеллекта для управления государствами и собирался употребить заработанное на организацию инициативной группы лучших специалистов мира в области компьютерных технологий.

Громогласная Каиц объявила всем, что она организует специализированную школу, в которую соберет тех детей, на которых их родителям плевать, и сможет воспитать их настоящими людьми, которые не будут заиклены на половых различиях, а просто вместе будут делать то, на что природа дала им умений и здоровья.

Неразлучная тройца -Джек, Фриц и Бабу – не строила никаких планов, надеясь, что после бурного периода работы на износ придет прежнее размеренное, несколько скучноватое, но спокойное и благополучное существование под руководством Джона.

Ахмад, судя по всему, не оставил надежды покорить каменное сердце Каиц, и потому и словами и поступками не устал доказывать Педагогу, что без него, Ахмада, ей все равно никак не обойтись, а уж для такого дела как школа и воспитание детей, он вообще человек абсолютно незаменимый.

И только Серж не распространялся о том, как собирается использовать капитал, а на все расспросы отшучивался, заливаясь своим удивительно неприятным смехом.

Так, по плану, достаточно слаженно и дружно, насыщенно, с удачами и мелкими неприятностями пролетало отведенное прогнозом Джона время. Команда просто делала свою работу, стараясь не слишком расстраиваться по поводу участвовавших в последнее время случаев, подобных тому, что произошло в свое время с одним спонсором. Эти эпизоды уже не так сильно выбивали коллектив из колеи, наоборот, команда все больше и больше спланивалась в противостоянии любым попыткам обвинить шоу в исчезновении людей. Эти досадные недоразумения, как называл их Джон, ведущий шоу в прямой трансляции, всегда случались неожиданно и каждый раз по-новому, но виртуозные пальцы Икса успевали чем-то щелкнуть, что-то нажать... и на экраны никогда не попадало ничего, что можно было бы инкриминировать программе, а саму программу оценили бы как очередное разводилово, хотя она почти честно показывала настоящие чудеса, случающиеся с настоящими людьми.

Исход

Но вот на новой волне всплеска интереса к программе, когда она с большой помпой праздновала свой первый серьезный юбилей – 10 лет в Гефсиманском саду – какой-то сумасшедший профессор на весь мир обстоятельно доказал истинность этих самых чудес...

Въедливый книжный червь не поленился разыскать несколько десятков исцеленных, собрать подробнейшую информацию о каждом из них, об историях их увечий, накопил заключения врачей, а кое-где ему так повезло, что и целых врачебных консилиумов, сделанных до чудесного исцеления. Организуя лечебные экспертизы состояния здоровья исцеленных, он искал следы их былых физических увечий, но находил только следы глубокой психологической травмы, теперь еще и сказывающейся на мировосприятии и самооценке этих людей.

В общем, профессор сделал всё по науке – теория, эксперимент, доказательство, гипотеза. Его бы, тем не менее, никто не услышал, но он так здорово подвел факты исцеления и воскрешения под теорию существования бога, что папа римский не удержался от искушения на весь мир перед всей своей паствой признать ученого праведником и святым еще при жизни. Потом еще пришлось признавать мучеником, потому что разъяренная толпа, желая причаститься к живому святому разорвала его на мелкие сувениры. Говорят, что и они тоже обладают исцеляющей силой, но судя по тому, что мощи, лоскуты одежды, зубы и другие пикантности ученого продаются во всяком уважающем себя поселении мира и по сей день, человек этот поистине был удивителен по размерам, количеству зубов, костей, а главное, голов – череп святого можно купить, правда, только в самых больших полисах, и каждый продавец утверждает, что это тот самый череп, но, так или иначе, количество их было более одного и даже десяти.

Так вот, после такого феерического взлета и падения ученого мужа с весьма прозаической фамилией Джонсон, имя которого утеряно навечно, программу Джона стали смотреть более внимательно, а самые сообразительные потянулись в сад.

Шоу не закончилось ни через двадцать лет, ни через пятьдесят, ни даже через сто. На третий юбилей, безуспешно пытавшиеся бороться с существованием шоу ораторы, о которых мы уже упоминали чуть раньше, рисквавшие остаться без теплых местечек в благотворительных организациях, сообразили, что, если ты не можешь победить своего врага, сделайся его лучшим другом.

Все тот же наш оратор стал инициатором нового мирового движения «Гефсиманский сад – страждущим», которое взяло на себя тяжелую, но необходимую в наше тяжелое и радостное время чудес, обязанность и необходимость выбрать достойнейших из достойнейших, которые были лишены простых человеческих радостей, потому что нелепая насмешка природы привела к несправедливости, которую теперь можно устранить. Но мы, люди – венцы творения природы, только мы можем поступить справедливо – и мы сделаем это. Мы направим стопы незрячих и обратим слух неслышащих в сторону сада Гефсиманского и поможем им исцелиться!

Это случилось одновременно с тяжелым, но необходимым решением Джона и всей его команды продать шоу, вместе со всеми на него правами, обусловленного тем, что шоу больше не могло существовать в том формате, с которого они начинали, а то, что теперь не просто предлагали им, а чего беззастенчиво требовали от них, было абсолютно неприемлемо даже для таких прожженных шоуменов как Джон. О том же, чтобы свернуть шоу, истерия по поводу которого стала приобретать характер стойкого и всеобщего помешательства, никто и слышать не хотел.

Команда Джона, еле справлялась с навалившимся после выступления папы римского объемом работы – приезжали всевозможные делегации, через выстроенное за эти годы высокое и крепкое ограждение постоянно пытались пробраться какие-то пророки, мессии и просто придурки, которым захотелось вечной жизни и власти над миром. Местные власти давно взяли и

само шоу, и команду Джона под свою защиту, но восьмерка энтузиастов, решивших заработать миллиарды, так устала, что когда Джон объявил им о том, что они, видимо, остаются безработными, так как все права на шоу проданы Израилю, России и Индии, все, от нечеловеческой усталости не сумев даже обрадоваться, только вздохнули от облегчения, и никто не спросил о сумме контракта.

Серж, как всегда, легко и быстро оформил все необходимые документы по купле-продаже сам, и каждый из восьми членов команды, а также Мири, к тому времени оставшаяся сиротой, так как ее мамаша – и это был ее выбор – была одним из тех технических недоразумений, которые иногда случались на шоу, оказались очень усталыми и измученными владельцами не только крупных счетов в нескольких надежных банках мира, но и домо–судо– и заводладельцами. Серж был не просто хорошим финансистом, он был далеко не дурак..

Апокалипсис

Права на шоу «Сад Гефсиманский» в денежном выражении не ограничивались теперь какими-то шестью нулями, это был баснословно дорогой проект, поэтому его купили вскладчину телекомпания трех государств. И так как шоу смотрел весь мир – люди всех возрастов, полов, рас, религиозных убеждений три раза в день не могли оторвать восхищенных глаз от экранов и мониторов, то теперь эти самые державы могли править миром. Это слишком поздно поняли занятые друг другом Китай и Америка, которые думали, что простым отключением трансляций и всякого рода антипропагандой можно остановить бум человеческого помешательства.

На планете каждый день появлялось не менее десяти новых мест, которые вдруг обнаруживали чудесные свойства исцеления, продления жизни, а то и просто похудения (это все еще было актуально и модно). Маги и пророки всех мастей за весьма скромную по меркам действий такого рода цену без всякого предварительного отбора претендентов облапошивали всех желающих за их деньги.

При новых владельцах количество кормящихся от шоу очень сильно разрослось, каждый из кожи вон лез, чтобы придумать что-нибудь эдакое для шоу или его рекламы, хотя уж в чем – чем, а в рекламе-то шоу точно не нуждалось уже очень давно. Рейтинги шоу были такими, что каналы, не сумевшие купить право на показ программы просто выключали вещание на то время, когда по другим, более удачливым в отношении материальной обеспеченности каналах шла программа «в саду Гефсиманском» – все смотрели шоу, а шоумены каждый раз выдумывали все новые и новые чудеса. Сетезрители видели как оживают умершие, как выходят из комы безнадежно больные, как отрастают отрезанные и оторванные пальцы, руки и ноги, – простое исправление физических недостатков какого-нибудь убогого больше не заводило публику, – публика хотела познать настоящее чудо и ей предоставлялась такая возможность.

Но очень многого, гораздо больше, чем во времена восьмерки Джона, публика не знала и не видела. Шоумены проявляли удивительную изобретательность в выдумывании сюжетов исцеления, но еще большую – в зарабатывании денег на тех, кто рвался на шоу вопреки здравому смыслу и рассудку...

Проходили десятилетия, шоу давно потеряло свой прежний облик, но не потеряло своей популярности. На праздновании столетия Великого дня (то есть того, когда Джон обнаружил Мири, сидящую на этом самом месте) – эта дата теперь была отмечена как первый день празднования недели Гефсиманского сада и украшала календари всех стран мира - шоу было признано международным, а его правообладателями, кто в большей, а кто в меньшей степени, стали теперь правительства всех стран мира.

Где-то в первой половине столетнего срока существования шоу круг правообладателей пополнился представителями Америки, прогнозы которых о скором затухании интереса к шоу так и не оправдались, а чуть позже, ближе к середине века Шоу к ним присоединился и официальный Китай, и жителями поднебесной тут же пополнились первые ряды страждущих.

Из-за немыслимого количества владельцев и постоянно меняющихся продюсеров, режиссеров, менеджеров, сценаристов, не говоря уже об остальных, благодаря полученной специальности, допускаемых к работе в шоу, в программе наступила такая неразбериха, что то и дело случались накладки и неожиданности, незапланированные организаторами. Это сначала было обеспокоило правообладателей, но они быстро сообразили, что для зрителей все эти эксцессы сами по себе тоже представляют новый вид аттракции, и все продолжало разваливаться, хотя доход приносило исправно и регулярно, да и народ, одурманенный шоу, не отвлекался на всякие глупости вроде улучшения условий жизни или повышения зарплаты. Что-то нужно еще?

На одно из представлений одна выжившая из ума миллиардерша, которой, как вы понимаете, отказать было невозможно, притащила свою любимейшую собачку, умершую еще во время молодости этой самой миллиардерши и теперь явленную миру в виде чучела, – был ужасный скандал, который, впрочем, еще сильнее поднял рейтинги и доходы шоу.

Что с собачкой? А... Она таки ожила, хотя говорят, что прохвост продюсер просто нашел такую же, но живую, которую и подсунили старушке... увидев, как ожила ее любимая собачка, бабуля пришла в твердый ум и ясную память, изрекла – «это же чучело» и отдала богу душу. Но так как ее воскрешения никто не заказывал, то бабулю быстренько оттащили в сторону и шоу продолжилось.

Этот эпизод дал возможность особо ярким активистам движения «Гефсиманский сад – страждущим», уже третье поколение которых ратовало за то, чтобы пускать на сеанс исцеления только общественно полезные элементы, а не кого попало, в связи с чем и было в оппозиции к официальным комиссиям отбора желающих исцелиться, громче заявить о себе и о своих притязаниях на истину в последней инстанции, которая только и способна волею народной отобрать достойных от недостойных.. Себя они, понятное дело, мыслили в первых рядах достойных.

Их деятельность по продвижению себя в исцеляемые, может, и окончилась бы полюбовным соглашением между ними и держателями шоу, если бы не фанатичность одного из активистов. Активист, уверовав в альтруистские намерения своей организации, при этом обладая пытливым умом и немного сдвинутым рассудком, досконально проверяя и перепроверя каждый шаг, который приводил счастливых обладателей разрешения на исцеление, к этому самому исцелению, вдруг обнаружил, что количество получивших исцеление и количество получивших разрешение не совпадает, причем не совпадает в разы!

Отследив судьбы получивших разрешение, он обнаруживал, что все они по свидетельству родных, знакомых и сведений транспортных конгломератов, прибыли в Гефсиманский сад, но дальше след как минимум половины из них был утерян. Родственников это беспокоило не особо, большинство из них злорадствовали, другие просто пожимали плечами и предполагали, что исцеленный не пожелал расстаться с местом своего исцеления и «пусть ему будет хорошо». То, что некоторые из них, смотревшие все программы шоу, не видели своего родственника, объяснялось ими довольно просто – ну не каждого же будут показывать, не такая большая птица наш дядя Адам, чтоб его еще и в шоу показывать. Ему и так повезло – он разрешение получил.

Тогда активист решил полюбопытствовать, почему это исцеленные не возвращаются обратно, надеясь сделать сенсационное разоблачение вроде того, что исцеление не работает при отдалении от места или что оно лишает памяти и родственных чувств... Он очень хотел сенсации и он ее получил...

Все оказалось гораздо страшнее. Секретность, сопровождавшая чудесное шоу, уже давно дала большую трещину, через которую почти сразу после продажи программы восьмеркой первооткрывателей шоу потекла такая преотвратнейшая правда, что охотников сделать из нее сенсацию не находилось. И, кто знает, может, так и продолжалось бы это шоу, загребая миллиарды и миллиарды миллиардов, несмотря на постоянную утечку страшной информации о том, что Джон в свое время называл досадными недоразумениями, если бы не въедливый адепт ставшего к тому времени почти новой религией движения «Гефсиманский сад – страждущим»...

Основы

Прежде чем все-таки объяснить читателю, в чем же, наконец, заключалась страшная и отвратительная истина чудес сада Гефсиманского, скажем немного об этом движении подробнее. Тем более, что отцы-основатели этого чудо-учения сыграли не последнюю роль в том, что

правда о чудесах так долго оставалась лишь слухом, нелепой выдумкой, страшилкой на ночь, от которой все отмахивались.

Такое свое легкомысленное отношение к дыму слухов, которого, как известно, без огня не бывает, адепты нового знания, а вслед за ними и обыватели аргументировали тем, что «выслушивание и передача беспочвенных и абсолютно абсурдных слухов» как они значились в программных скрижалях нового учения (было уже и такое!) может воспрепятствовать совершению чуда и тогда «да падет на соблазвившегося сплетнею потеря очереди и всеобщее осуждение».

Что придумали эти умники? Тем, кто не успел пристроиться к кормушке, в которую шоу сыпало миллиарды и миллиарды, было отчаянно и безысходно тоскливо, злоба и зависть терзали убогие подобия их душ. Но они, сообразив, что чудеса – это золотая жила и беспроигрышный бизнес, пристроились подбирать то, что не успевала сожрать ненасытная утроба Шоу и размножившиеся по миру комиссии и подкомиссии по «востребованности чудесной помощи» – так они назывались. Надо отметить, что комитеты эти были организованы ООН.

Все чиновники этой некогда достаточно могущественной, а в последние пару веков потерявшей свое былое величие, организации и составили, впрочем, эти самые комиссии и подкомитеты. Нельзя было сказать, что они ничего не делали – они принимали заявления, они проверяли достоверность представленных документов, разрабатывали инструкции и памятки для граждан, формы бланков заявлений и апелляций, они буквально работали на износ... Но ни очередь желающих получить исцеление не уменьшалась, ни сама суть процесса исцеления не становилась понятнее.

Несколько инициативных групп ученых пытались выбить себе право на изучение данного феномена, но никто не поверил их познавательному интересу и им отказывали на всех уровнях. А уж после того, как одной группе все же удалось выбить для себя право присутствия при совершении чуда, но один из ученых этой команды не устоял перед искушением и «в качестве эксперимента на себе – все великие ученые проводили на себе эксперименты» вместо исцеления, потому как никакие недуги его, слава господу, не тяготили, вдруг получил красивое мускулистое вместо скрюченного и тщедушного, никогда не наблюдавшегося в спортзале, тело и шикарную шевелюру на рано польсевшую свою ученую голову... Уж после такого святотатства всех ученых объявили «поборниками лжи и несправедливости», а слово ученый, равно как и все другие поименования людей неглупых и не всегда корыстных, стало страшным ругательством. Чуть-чуть не дошли до сжигания книг и аутодафе.

Так вот, проворные дельцы, пристроили к действию небольшую (поначалу небольшую и простенькую) теоретическую базу, на основании постулатов которой, собственно говоря, и кормились все от тех же обывателей, наставляя последних, как нужно жить, чтобы получить право на исцеление.

В начале разработки теоретических оснований и привлечения адептов в лоно нового движения идеологи и маркетологи этого движения были весьма обеспокоены истерикой, которая окружала шоу, и даже пророчили очень скорое полное охлаждение аудитории к развлечениям такого рода. На основании чего подгоняли и себя, и высшее руководство движения поскорее выходить на широкую аудиторию.

Они не опустили до мошеннического обмана за минимальные деньги каждому обеспечить попадание в сад без очереди. Нет. Они не уподобились средневековым продавцам индульгенций. Они были хитры и осмотрительны, жадны и завистливы. И хотя пока они кормились от даров Шоу и всем своим учением поддерживали ажиотажный интерес к этому весьма сомнительному мероприятию, в глубине души они не просто надеялись, а можно сказать, точно знали, были уверены, что рано или поздно пузырь Шоу должен лопнуть.

Но непонятно, впрочем, почему, как и многие другие, озадачивавшиеся вопросом дальнейшей судьбы шоу, они ошиблись... хотя и ошиблись не вполне: предрекалось скорое и постепенное затухание интереса, а получилось с точностью до наоборот.

Шоу умерло. Да здравствуют Основы!

Интерес к шоу пропал как-то в одночасье и причем, исчез, как не бывал. Случилось невероятное – то, что буквально вчера вечером занимало умы всех, всех без исключения людей, населяющих планету, вдруг подверглось полному и окончательному забвению. Где небывалые рейтинги? Где фанатствующие зрители? Где рвущие друг друга на части телеканалы и рекламодатели, желающие за любые деньги получить хотя бы крошечку от лакомого пирога?

Первые пару дней после знаменательного вечера в истории не только телевидения, но и планеты вообще, руководство шоу жило как обычно – хорошо отлаженный механизм работал по инерции, но плавная остановка ему не была суждена: вначале с экранов телевизоров пропала реклама шоу – пропала резко – со всех и сразу, потом все города украсились новехонькими плакатами и объявлениями совершенно разнообразного содержания, потому как их целью было не сообщить скучающему обывателю о том, чем можно себя развлечь и порадовать, нет, основной целью миллионов тонн печатной продукции было закрыть собой доминирующие последнее время на всех свободных поверхностях рекламу шоу.

Последним гвоздем в крышку гроба шоу явился презабавнейший случай – в сад Гефсиманский снова стали пускать туристов, которые будто не видели декораций шоу, они смотрели сквозь них. Они не просто не рвались больше в вожденную точку магического пространства, они весьма аккуратно обходили это место, а от последних, еще не сбежавших, но уже собирающихся это сделать, работников шоу, которых все еще можно было отличить по серебристо-золотистым комбинезонам с логотипом шоу, шарахались как от чумных.

А случилось вот что.

Шоу шло своим чередом, плотная стена из охранников, подобранных так, будто все они являются клоном одного первоохранника на земле, стойко выдерживала неистовый натиск визжаще-рыдающей в экстатическом упоении толпы зрителей. Ликующий счастливчик с красным от напряжения и от болезненной природы всего тела, худой, высокий, и, как говорили в старину, кривой на одну сторону, вышел под свет софитов. Нервно и нетерпеливо покрутился на месте, демонстрируя жадным взглядам толпы свои, мучавшие его с детства, увечья, и шагнул в магическое место...

После этого шага события развивались с такой поистине космической быстротой, что будто стерли какую-то часть памяти всего населения земли, а именно ту ее часть, в которой хранились завистливо-вожделенные мечтания о чудесной точке.

Произошедшее было настолько невероятно, что очередной оператор (оператор здесь сменялись с завидным постоянством – уж слишком нервная была работенка), давно привыкший вовремя выключать камеру, если исцеления пошло не по плану, и человек вместо того, чтобы вскочить с инвалидной коляски, на которой туда привозили самых немощных, вдруг поникал и будто сдувался или начинал бесноваться, что уже случалось и раньше, теперь смотрел как замороженный на многочисленные экраны своих камер. А объективы этих камер в этот момент были направлены в одну точку – на счастливчика – и, соответственно, то же видели со своих экранов сетезрители всего мира.

Миллионы жителей планеты пережили самые ужасные секунды своих жизней, а возможно, и всех своих перевоплощений, после чего все как один выключили канал и ... как ни в чем не бывало стали жить дальше.

Память каждого представителя человечества о своем существовании теперь простиралась от момента рождения до начала шоу, и затем с момента последнего шоу, без подробностей последнего, и далее на каждый день. Все связанное с шоу просто стерлось из памяти челове-

чества, и если вдруг еще что-то напоминало о подробностях этого мероприятия, то мыслилось как страшный сон, непонятно каким способом воплотивший обрывки кошмара в яви.

Сведений о том, что же именно случилось, не осталось, все ушло в предание о том, что в Гефсиманском саду есть проклятое место, куда ни в коем случае нельзя попасть человеку.

Нужно сказать, что в проекте была хорошо отработана цензурная часть и для того, чтобы стереть запись, могущую хоть чем-то скомпрометировать шоу или подорвать его авторитет, нужно было только сказать «Изыди!» – это была, как тогда казалось всем, циничная и весьма остроумная шутка гения из группы программистов. Они же состряпали эксклюзивную программу, позволявшую транслировать все программы шоу прямо из студии Гефсиманского сада круглосуточно по нескольким каналам и одновременно, и в разбросанном порядке, что помогало в экстренных случаях, когда вместо искомого исцеления, человека начинало кривить, когда вместо счастливых просветленных глаз исцеляемого в объектив оператору смотрели вдруг абсолютно обезумевшие или вдруг резко ставшие пустыми и безжизненными глаза.

Один из пары десятков безнадежно неизлечимых сумасшедших, оказавшихся в клинике практически сразу после падения шоу с классическим диагнозом «шизофрения» и странной припиской в скобках (изыди), в редкие минуты возвращения в свой сумеречный рассудок рассказывал, что этот самый программист, наблюдавший на экранах студии последнее шоу, столько раз сказал это самое заветное слово, что с лихвой хватило на то, чтобы стереть всю базу программ, хранившуюся, во избежание копирования и нелегальной трансляции только в этой студии. После этого рассказа больной как правило садился лицом к одной из стен своего безопасного бокса и, смотря куда-то внутрь стены, полными нечеловеческой печали и страха глазами, начинал повторять это самое заветное слово. После чего начинал волноваться, метаться, пытаться убить себя, подпрыгивая и кидая своё тело и голову о стену или о пол, в общем, бесноваться, что свидетельствовало о том, что временное улучшение не закрепилось, и болезнь вновь одержала верх.

Врачи и медбратья качали головами, вкалывали ему нечеловеческие дозы успокоительного, отправляя больного в неизведанный мир страшных снов, которые, по-видимому, и были причиной того, что даже после уколов больной продолжал метаться, и, пытаясь выговорить заветное слово, утробно мычал, не умея справиться с отяжелевшим и непослушным языком. И врачи, и персонал клиники, и даже сами сумасшедшие, искренне желали этому больному счастливо уснуть и больше никогда не просыпаться, так страшно, безысходно и глубоко было его страдание, и каждый раз, когда он затихал больше, чем на минутку, тихая старушка, прижившаяся в больнице непонятно когда и по какому праву, постоянно дежурившая возле бокса этого больного, по старинке крестилась и начинала что-то шептать.

Это все, что осталось в исторических хрониках и памяти народной о периоде шоу, который потом был назван некоторыми историками как период информационной амнезии. Эта самая амнезия позволила новому религиозному движению, сильно смахивающему на самого низкого пошиба секту, но изо всех сил открещивающаяся от такого поименования, историю своего возникновения относить к послеамнезийному времени, а основной причиной своего появления декларировать высшую волю гефсиманскую, «изрыгнувшую ужас из сердец наших и поселившую покой и мир в тела наши».

Именно так – тело – назывался теперь главный объект официально признанной мировой религии, которая победно шагала по планете, постепенно сливаясь с государственными аппаратами стран обоих полушарий.

Десять по десять

На самом деле, этот раскинувший по планете свои цепкие щупальца сектантский спрут был ни чем иным как тем самым чудо-учением «гефсиманский сад – страждущим», который

когда-то бедным родственником приживал успехами шоу. Название тоже осталось прежним, но смысл его теперь был полностью противоположным.

Основной задачей своего существования учение считало – очищение планеты от «страждущих чуда». Инквизиции средних веков не снились те методы работы с населением, которые были придуманы и претворены в жизнь первоотцами этого чудо-учения.

С рассвета следующего за днем падения шоу знаменательного дня непревзойденные по своей расторопности и бесстыдству учителя нового учения, так долго и терпеливо сносившие тяготы вынужденного существования на вторых ролях, так вождевшие абсолютной власти, получили ее.

Образовавшаяся пустота в том месте мировой организации общества, которую занимало шоу, была настолько огромной, что заполнить ее могло только что-то столь же вездесущее и невероятное, как само шоу. Чудо-учение, распространившееся по всей планете и в отличие от шоу, существовавшего только виртуально, вполне реальное пустило плотно материальные корни в виде сект и их «Домов Чуда», где собирались адепты на ежедневные наставления учителей о том, как нужно планировать свое существование, чтобы обрести чудо внутри себя, не стремиться в сад Гефсиманский, но впустить его в сердце свое и ощутить благодать его телом своим.

После долгожданной, но, тем не менее, все равно неожиданной катастрофы шоу, пока все, в том числе руководство сетевидения разных стран еще пребывали в шоке и замешательстве, близком к панике, потому как они понятия не имели, чем заполнять эфир (последние лет сто так избаловали их постоянством программы, в которой почти половину составляли репортажи и он-лайн включения из Гефсиманского сада), чудо-учителя со свойственными им лицемерием и чувством собственной важности великодушно спасли сетевидение.

Ни словом ни полусловом не обмолвившись о страшном, они сразу стали поучать, умиротворяя взбудораженное человечество спокойствием монотонной речи своих учителей и упорядоченностью и простотой правил существования, не забыв, однако, подписать соглашение на предоставление им всего освободившегося сетевремени с растерянными и ошалевшими от молниеносности происходящего ответственными лицами мировой сети.

День после падения шоу сразу же был объявлен праздником, и теперь им начиналась декада Великого очищения Земли от страдания, на протяжении которой каждый адепт учения должен был обратить в свою веру «десять по десять». Каждый день декады адепт был обязан привести под сень чудо-учения десять новообращенных, которые тут же автоматически становились адептами и, соответственно, в оставшиеся дни также должны были привести каждый по десять... ну и так далее. Благодаря этой декаде, введенной уже в первую же годовщину учения, на настоящий момент, а шел уже сто тридцать пятый год существования этой религии (не считая лет, проведенных под игом шоу), на земле не было практически ни одного человека, который не являлся бы адептом этого учения.

Однако декаду продолжали праздновать, требование по обращению тоже не отменили, невозможность его выполнения не смущала ни основателей религии, ни обычных адептов, потому что все те же (или может уже другие, но ничуть не лучше прежних) объявили, что «настоящий адепт» всегда сможет выполнить основное требование учения. Спасались тем, что обращали только что родившихся младенцев, но и их, понятное дело, не хватало. Тем, кто не мог претендовать на звание «настоящего адепта», было предписано требование в течение всей декады в качестве очистительной жертвы встречая любого человека, произносить вместе с ним десять раз основные десять правил учения. За всю декаду это нужно было сделать не менее чем «десять по десять», то есть... тысячу раз. Да, математика у отцов учения была своя.

...Если ты повстречал своего друга по учению, остановись с ним и поведай ему основы и пусть и он поведаст тебе их. Но неправильно будет, если оставите вы знание это только между собой, потому должны вы пойти и встретить еще одного друга по учению и сказать

ему основы и пусть он скажет его вам, но неправильно, чтобы учение звучало тогда не десятью священными голосами, потому Вам требуется снова пойти и повторять основы друзьям учения до тех пор, пока не станет вас друзей десятеро, а основы не будет произнесены десять по десять раз. Но другими словами не оскверняй рта тела своего в этот раз.

В первые пару дней декады, когда только ввели это правило как *действие страдание искупляющее*, по планете слонялись огромные толпы народа, случайно попавшиеся неистовым адептам на улице, и вынужденные теперь вместе с другими счастливыми повторять некороткий список основ. На третий день вымершие поначалу улицы снова наполнились доверчивыми гражданами, которые желая отсидеться дома, беззаботно открыли дверь, постучавшим в нее адептам и теперь хором повторяли основы. В дальнейшем слишком большого столпотворения не замечалось, однако, десять дней безвылазно дома не отсидишься... Кроме того, неистовые адепты, которые, как вы понимаете, входили в состав местных, областных и государственных органов власти изобретали все новые и новые ухищрения. Заметив, что народ стал заблаговременно готовиться к декаде и закупаться продуктами, чтобы не нужно было выходить на улицу, они то повышали перед декадой цены так, что впору было зубы на полку класть, а не впрок закупаться, то в течение самой декады проводили такие снижения цен, что самый нежадный не мог не соблазниться, то действовали старым проверенным способом – отключали электричество, газ, воду. Рассказывали, что однажды, а декада приходилась на самые жаркие летние месяцы первой половины июля, власти северных стран включили своим гражданам отопительную систему, якобы в рамках подготовки к зиме... Или, предписывали студентам-актерам устраивать представления на улице в спальнях кварталах – заскучавшая публика, особенно дети, не выдерживала испытания любопытством, за что и расплачивалась многократным повторением основ.

Глава 3

Так и не добившись от Бреты ни объяснений, ни даже взгляда, Грета прямо с напитком ушла за свое учебное место и занялась привычным и надо сказать любимым ею делом – поглощением информации. Брета так и не вернулась к своему инфомодусу, и Грета в относительной тишине попробовала сосредоточиться. Дверей в их боксах не было и все шумы общего пространства, рекреационной зоны и звуки, рождавшиеся в недрах других боксов, сопровождали их существование от того момента, когда она начинали себя осознавать.

Сделав очередной глоток кофе, она на минутку отвлеклась от инфомодуса. Процессы осмысления информации вдруг будто свернулись и раскатились как бусины, и тяжелым неповоротливым квадратом в самом центре восприятия обнажилось досадное удивление: «И чего она взялась! Никогда не придиралась, даже бравировала перед другими ячейками такой моей оригинальностью... Чего вдруг?!...»

Грета и Брита были тщательно подобраны друг другу специальной психологической программой, которая практически не ошибалась в том, какие индивиды неконфликтно смогут жить бок о бок. Программа и правда работала прекрасно, особенно ей удавались группы из трех и пяти человек. До последнего времени у них была троица, но пару месяцев назад их третья – Света – получила назначение на миссию продолжения рода, причем ее тело было признано максимально подходящим для вынашивания особи мужского вида человека, поэтому практически сразу после первичной диагностики плода, ее изолировали в специальном учреждении.

Новые технологии и научные достижения давно могли заменить женский организм как место вынашивания новой жизни, и несколько поколений нового общества были как раз пробирочными... Но вдруг у третьего-четвертого таких поколений было отмечено новое свойство – они неспособны были вырабатывать донорские яйцеклетки, природа просто убирала этот механизм. В этом случае человечество спасла только инертность и запасливость, а именно то, что в рамках других медицинских проектов, во-первых, продолжались эксперименты на плоде в естественных природных условиях, а во-вторых, то что существовал банк яйцеклеток, созданный для того, чтобы с одной стороны, регулировать уровень рождаемости, а с другой, иметь любое количество научного материала для все новых и новых исследований. Потому, с трудом восстановив необходимый уровень рождаемости за счет замороженных клеток самых ранних поколений, человечество уяснило для себя одно непреложное правило: *Возложена на каждого индивида миссия продолжения рода и основная она...* Удивительно, но факт, правило это неизвестно каким образом вдруг оказалось прописанным в Основах, а если кто и задался вопросом, где ж вы раньше были с мудростью вашей, на этот счет учителя задумчиво и укоризненно вещали: «... не увидели слепые мудрости Гефсиманской».

Кодекс Новой Жизни

Основы как ответ природной потребности человека в том, чтобы кто-то им руководил и совершал чудеса для него, настолько вошли в плоть и кровь каждого на планете, что любое слово, сказанное секстантами, истолкованное адептами, растиражированное сетевизорами и переданное из уст в уста, в конечном итоге мыслилось истинным, хотя и оставалось только словом – непонятным, необъяснимым и оттого чудесным.

Учение развивалось по каноническим законам становления любой религии. Вначале существовало только в виде идей, затем имели хождение приписываемые неизвестным никому и потому загадочно мистическим основателям вероучения глубокомысленные высказывания типа «не сетевизором единым живо тело человека».

Так, после исторического высказывания о слепоте случился всплеск исследований... зрения, в результате чего генетически была исправлена возможность возникновения чуть ли не всех заболеваний глаза, вплоть до старческой близорукости, глаукомы и тому подобного, ну или, по крайней мере, так утверждали изобретатели этой дородовой генной процедуры.

Так как ждать сорок лет для того, чтобы проверить верность утверждения никому не хотелось, процедуру ввели в список других подобных дородовых исправлений генома, да и забыли какая процедура для чего. Так «генная процедура совершенствования» оказалась записанной в основах. Вначале ее там нашли в зашифрованном виде толкователи, а потом просто включили в сам текст.

Чуть позже появились рассказы об жизни основателей и творимых ими чудесах, передаваемые из уст в уста и по мере продвижения во времени и пространстве обрастающие такими невероятными подробностями и перипетиями сюжета, что даже если бы основателям нового вероучения хватило ума нанять группу пиарщиков-профессионалов самого высшего уровня, то и они бы не сумели так лихо закрутить сюжет, так красочно проработать детали, так заинтриговать население и искусно овладеть вниманием буквально каждого на планете Земля.

Через какое-то время чудо-учение вступило в ту закономерно наступающую фазу в развитии любой религии, когда беснующаяся часть фанатичных адептов, то закатывая глаза в экстатическом трансе, то насупливая брови в праведном гневе на всех ныне и присно живущих, металась по миру, разыскивала еще не обращенных, а основная часть адептов без всякой надежды пересидеть Декаду, готовилась к ней целый год, изобретая все новые и новые способы выживания и пытаясь предугадать и предупредить действия властей.

Впрочем, истоки своего чудо-учения, а также и сопутствующие сведения по истории его возникновения и философии его знания, благополучно забыли и те и другие.

Помимо основной цели каждого жителя планеты Земля, заключающегося, как гласили Основы, *в соблюдении Тела своего*, делом жизни считалось выведение многочисленного потомства. Так сложилось, что во время повального помешательства на Шоу, все остальные мировые проблемы отошли за задний план, и когда в мире увеличилась смертность мужчин репродуктивного возраста, то прежде чем, наконец-то, забили тревогу и открыли вирус Захария, болезнь превратилась в пандемию и остановить ее стало невозможно. Прошло несколько веков, вирус Захария не считался больше болезнью или напастью, теперь официально было признано, что это часть генома мужчины, потому с болезнью никто не боролся, а родиться мужчиной означало жить в специальном блоке, под наблюдением и контролем.

Когда в какой-то момент истории человечества человеческий вид мужчин стал вдруг максимально подверженным разным патологическим воздействиям, что приводило к тому, что редкие индивиды доживали до 40-50 лет, было принято решение на уровне мировых правительств, а, как вы помните, теперь там сидели сплошь женщины, – мужчин как вид сохранить, для чего изолировать от влияния патогенных факторов, коими считались: во-первых, суще-

ствование в естественных природных условиях в компаниях и сообществах, а во-вторых, общение с другим человеческим видом – женщиной – если только по медицинским показаниям для продолжения человеческого рода и наконец, категорическое противопоказание любого вида занятий кроме воспитания детей от 0 до 5 лет.

Так сложилось, что еще в начале далекого двадцать первого века, в обязанности мужчин стала все прочнее и прочнее входить обязанность воспитания детей, история дает смутные упоминания о том, что когда-то (сейчас в это просто не верится) воспитанием детей занимались женщины. В это тем более сложно поверить, что женщины в том виде, в котором они существуют сейчас, могли заниматься этими хилыми, постоянно орущими и воняющими существами, и при этом не поубивать их нарочно или нечаянно просто в силу решительности, экспансивности и жестокости своего женского характера. Прошло много веков, теперь мужчин выращивали в специальных изоляторах специально для ухода за потомством и продолжения человеческого рода.

Все виды работ по жизнеобеспечению планеты теперь совершали женщины.

Некоторые слаборазвитые государства, не успевшие сохранить своих мужчин от полного вымирания просто по той причине, что никто там не умирал до того момента, пока этим феноменом не заинтересовывались цивилизованные высокоразвитые медики, прекратили свое существование как самостоятельные единицы. После приезда научно-исследовательских делегаций даже в самые непроходимые уголки земного шара, где безмятежно существовали естественные племена, в которых мужчины ходили на охоту, а женщины воспитывали детей и занимались сельским хозяйством, вирус Захария выкашивал полностью все мужское население репродуктивного возраста.

В далекие времена, на заре двадцать второго века даже была выдвинута безумная теория ученого вымирающего вида мужчин о том, что появление вируса спровоцировано социально-поведенческими изменениями и современным распределением ролей между мужчинами и женщинами. Однако наши блестящие умы женской академии наук опровергли это идиотическое заявление.

Теория социолога некогда мирового значения была развенчана самым пошлым образом – с помощью его же работ более раннего периода, в которых он утверждал, что феминизация общества – неизбежный и благостный процесс, который приведет к спокойному и мирному существованию и чуть ли не всеобщей любви, что уравнивание в правах и свободах в социальном плане ведет к улучшению генотипа человека и появлению более универсального человека, женские и мужские признаки которого не являются основополагающими для его социализации. За работу «Тело нового времени», в которой он обосновывал существование тела как автономно существующего «божественного дома для внутренних органов», ученый в свое время получил премию от чудо-учения с таким количеством нулей, что смог обеспечить себе и двоим своим сыновьям изолированное существование в течение нескольких десятков лет после начала пандемии.

Все начало медленно скатываться к неизбежному для него концу в тот момент, когда сыновья подросли и стали мечтать о воспитании детей. Используя свои связи в медицинских кругах, ученый нашел специально обследованную на предмет носителя вируса Захария женщину, которая стала матерью детей его обоих сыновей и жила в изоляции вместе с ними. Это семейство прожило еще года три, потом уже после рождения второго ребенка (первый появился через 9 месяцев после окончания карантина для приглашенной), вдруг заболел и скончался сначала один из его сыновей, потом второй, а потом даже и один из родившихся младенцев... ученый не помнил какой именно.

Сам он так и не заболел, но держать при себе женщину ему было ни к чему, он сдал всех родившихся от нее детей в специализированное учреждение, как и было принято тогда. Женщина получила компенсацию за вынужденное изолированное существование и вернулась

в полис, ученый остался один и с горя ударился снова в свою науку, и, видимо, двинулся рас-судком, потому что результаты его научных исследований оказались абсолютно бредовыми. Распиаренный труд несчастного как мудрость последнего мужчины на планете, опубликован-ный крупнейшими мировыми изданиями, вызвал разве только недоумение. Идеи, высказан-ные им в последнем его исследовании «Патология социализации в свете исторического разви-тия человеческого вида», в котором он доказывал, что с точки зрения эволюции мужчина и женщина – это не разные виды человека, но просто самец и самка одного вида, как и у боль-шинства животных и всех известных млекопитающих, и что с точки зрения социально-истори-ческого развития изменение ролевого поведения мужчин и женщин заместительного типа обу-словлено феминистическим движением древнейших времен конца 19 начала 20 веков, были просто абсурдны! Мало того, в своей научной работе, ученый договорился до того, что пред-лагал женщинам заняться воспитанием детей, а мужчинам заниматься физической тяжелой работой. Только в этом случае, по его словам, возможно выживание человечества как вида вообще и мужчины, как самца, без участия которого невозможно продолжение рода.

Эти неслыханные заявления возмутили общественность, состоявшую на тот момент уже целиком только из женщин, которые не могли считаться ни прекрасной половиной человече-ства, ни слабым полом. Ученый приготовился к борьбе и отстаиванию своих идей, рассчитывая тем самым достучаться до сердец и умов образованной части планеты, но просчитался. Жен-ская логика, теперь господствовавшая на планете, сыграла со все еще рационально и матема-тически точно рассуждавшим мужским умом дурную шутку: его не стали объявлять еретиком, его просто окрестили сумасшедшим и обрекли на забвение. Его никто не слышал – он потратил все оставшиеся деньги на то, чтобы напечатать свои исследования и распространить по миру... его журналы и листовки были почти в каждом доме, их даже иногда читали, но не иначе как пример абсолютного абсурда и классического примера набиравшего в те годы популярность прозаического жанра «датышто».

Новый жанр развился из попыток письменной фиксации безумных историй, бытовавших в народе, содержащих описание жизни основателей новой религии, и из сборников их изрече-ний, тиражируемых в многочисленных вариациях в сети.

Новый мир

Мир изменился до неузнаваемости. И, к сожалению, такое заключение о состоянии мира можно было делать практически каждые десять-двадцать лет, с каждым новым поколением воинствующих, экспансивных, категоричных истин в последней инстанции мир объявлялся то одним, то другим, но обязательно отличным от того, что было, хотя мало кто помнил, что же все-таки было, а главное когда, в какой последовательности и по какой причине.

Причины, впрочем, часто указывались, но каждый раз такие удивительные и противоречивые, что ни те, кто эти причины искал, ни те, кто их требовал, уже не понимали ни причин, ни следствий...

Нельзя однако сказать, что мир рушился, вовсе нет – цивилизация вышла на новый и весьма успешный уровень – прикладная наука была в большом почете, исследованиям и экспериментам была дан зеленый свет, многие исключительно моральные запреты на научный поиск были легко сняты – материала для разного рода экспериментов и тестирования было более чем достаточно. Занимались генной инженерией, клонированием, пытались все проблемы взрослого человека, возникающие у него по мере приобретения вредных привычек, решить не путем работы с вредными привычками и изменением образа жизни, а воздействием на гены, которые объявлялись виновными во всех этих грехах. Много получалось, но часто результаты были абсолютно непредсказуемыми и неожиданными: пытаюсь справиться с одним недостатком, нечаянно попадаю в необходимость решения более кардинальных проблем. Было написано несчетное количество научных работ по следам уже полученных результатов, которые, в свою очередь, также были поначалу описаны и обоснованы.

Складывалась удивительная ситуация: на один и тот же практический факт могло быть написано несколько работ на абсолютно разные темы и с абсолютно разным отношением к описываемому факту, его причинам, последствиям, которые очень редко угадывались сразу. Так, одной из первых работ по стандартизации тела человека было исследование так называемого гена похудения. Группа ученых провела серию экспериментов по генному регулированию массы тела, результаты были потрясающими – плоды эксперимента проследили до 20-летнего возраста испытуемых – стандартизация была налицо. На весь мир прогремел успех этой группы, все как-то очень легко согласилось с тем, что подобные генные изменения нужно ввести в систему родовых процедур для каждого новорожденного.

Сказано – сделано (нужно отметить, что чем-чем, но быстротой воплощения идей в жизнь новое общество могло похвастать: принцип «они так, а мы вот эдак, они еще, а мы уже» срабатывал безотказно). Процедуру внедрили, поставили на поток... Несколько позже выяснилось, что генная модификация во втором поколении исправленных индивидов дает своеобразный побочный эффект – потомство второго и далее за ним поколений таких индивидов теряет способность к вариативности своего типа. Все особи рождаются похожими друг на друга, и даже если при скрещивании прогнозировалось рождение особи другого генного типа, по необъяснимым причинам верх одерживал модифицированный тип. И все бы ничего, если бы все эти стройные красавицы не оказывались все глупее и глупее с каждым поколением. Не сумев объяснить или как-то исправить получившийся эффект, ученые просто исключили данную модификацию из списка обязательных. Тем временем отношение к полному – полноосновному, как говорили теперь – телу в обществе изменилось, да и сам образ жизни и питания стал другим. Толстых особей стало значительно меньше и модификацию, вписанную в Основы, но снятую с использования по-прежнему считали успешной - ее механизм, наряду с остальными 27 механизмами других модификаций изучали в новой системе образования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.